

ПОБЕГ

Безликий
книга 4

РОМАН ГЛУШКОВ

«Рифт-75» — тюрьма для самых отпетых военных преступников в мире. Сбежать из нее невозможно. Да и некуда — тюрьма расположена на далеком атолле в Тихом океане. Именно сюда не повезло угодить Кальтеру — дезертиру из русской военной разведки, а ныне — участнику игры на выживание, которую устраивают загадочные «серые».

Именно «Рифт-75» станет для Кальтера новым полем битвы, ведь свобода — главная и единственная цель его сегодняшней жизни...

Роман Глушков

Побег

— Знаешь, о чем эта книга?

— Нет.

— Она о побеге из тюрьмы.

— Тогда, может быть, ее тоже надо поставить в раздел «Образование»?

«Побег из Шоушенка»

Зона № 51, Французская Полинезия, атолл Татакото.

Тюрьма особого режима «Рифт-75», собственность международной гуманитарной организации «Чистая совесть».

Лето 2017 года.

Часть первая

Путь вниз

Глава 1

— Завали его, Обрубок! Порви пасть этому

сукиному сыну! Давай, вмажь ему!..

Интересно, кто это выкрикнул? Надо иметь недюжинную смелость, чтобы кричать такое, когда разъяренный гигант Мачори стоит на ногах и сам готов завалить кого угодно: Обрубка или кого-нибудь из толпы зрителей, которые их окружали.

Драка в столовой — обычное дело в любой тюрьме, но здесь свои порядки. Не слишком странные, но все же неправильные. Логика местных надзирателей-вертухаев неисповедима, как пути господни, который явно брезговал заглядывать в эту клоаку. Иногда вертухаи разнимали дерущихся, едва те успевали обменяться парой ударов. А иногда позволяли им колошматить друг друга до полусмерти, равнодушно взирая на драку из-за спин болельщиков. И вмешивались лишь тогда, когда надо было отправлять победителя в карцер, а измочаленного им побежденного — в лазарет. Или прямиком в морг — драки на «Рифте-75» нередко завершались чьей-то смертью. Смерть вообще царила здесь повсюду. Обрубку даже чудилось, будто она является такой же узницей тюрьмы, как он и прочие заключенные. Разве что жила и харчевалась Смерть отдельно ото всех, зато частенько навевывалась к ним в гости и никому не позволяла о себе забыть.

Когда на сегодняшнем обеде охранники не

вмешались в затеянную Мачори с Обрубком драку, он понял, что его дела плохи. И что из столовой он отправится не в камеру, а в морг. Почему не в более приятное местечко — лазарет? Да потому что Мачори — известнейший в тюрьме садист, правая рука полковника Рошона, вожака банды Синих Одеял. И Мачори всегда доводит свое любимое дело до конца. А по-настоящему он любит только одно: разбивать людям головы о бетонный пол. Так, чтобы лопалась черепная коробка и мозги вываливались наружу. Ради такого зрелища Мачори долбит свои жертвы головами об пол с одержимостью раскалывающей кокос обезьяны. И ни разу на памяти Обрубка он не бросил свою работу незавершенной. Впрочем, заслуженный эксперт в этом вопросе не тратил на нее много времени. Дюжина ударов, и от голов его жертв оставалось лишь месиво из раздробленных костей, раздавленных мозгов и растерзанной кожи.

— Вперед, однурукий! — вновь донесся до ушей Обрубка голос из толпы. — Смелее, калека! Или что, боишься за свою черепушку?! Нашел, о чем переживать! Как будто у тебя в ней есть что-то ценное!

Станный упрек. Конечно, черепная коробка у Обрубка была не пустой, и он дорожил ее содержимым. И точно не хотел, чтобы оно было вытрясено Мачори на всеобщее обозрение.

Хотя кое в чем подбадривающий калеку доброжелатель был прав. Ему и в самом деле надо быть решительнее, потому что бегство его не спасет. Раз уж вертухаи стояли в сторонке и посматривали, чем все закончится, значит, нет смысла тянуть время, надеясь, что они остановят поединок. Или, скорее, расправу. Разве можно назвать честным бой сорокавосемилетнего инвалида с ампутированным почти по локоть предплечьем и пышущего здоровьем двадцатипятилетнего амбала? Который мог шутя оторвать противнику не только вторую руку, но также обе ноги и в придачу голову.

Вообще-то, несмотря на возраст и увечье, Обрубок мог за себя постоять. И уже не раз это доказывал, отправив в лазарет полдюжины противников, двое из которых прописались там надолго. Но как бы то ни было, такой серьезный враг ему на «Рифте-75» еще вызов не бросал. И если в предыдущих драках калека еще мог рассчитывать, что дело не дойдет до смертоубийства, то о гуманном исходе этой стычки можно было и не мечтать. Особенно принимая во внимание красноречивое, чтобы не сказать нарочитое, бездействие охраны.

За что же лучший убийца Синих Одеял ополчился на ни в чем не виноватого перед ним Обрубка? Искать ответ на этот вопрос было столь

же бессмысленно, как гадать, зачем пролетавшая над вами птица вдруг нагадила вам на голову. Приспичило ей, вот она и не удержалась. Ну а вы всего лишь проходили в этот момент внизу. Мачори не мог напасть без причины лишь на члена своей или другой местной банды — Факельщиков и Диких Гусей. А к простым зэкам-одиночкам он относился как к подножному мусору. То есть мог либо его не замечать, либо начать пинать его от нечего делать. Чем и занимался сейчас, на радость себе, собратьям по банде и зевакам, радующимся любому оживлению скучной тюремной жизни. Зевакам, которые старались не думать о том, что завтра любой из них может стать жертвой Мачори или другого садиста, которых на «Рифте-75» содержалось не меньше, чем в тюрьме для обычных преступников.

— Ну же, однорукий! — не унимался смелый болельщик Обрубка, которого тот никак не мог заметить в толпе беглым взглядом. — Хватит от него бегать! Да врежь ты ему наконец! Пересчитай ублюдку зубы!

Наверное, это орет один из тех парней, кто рискнул и поставил в этом бою на слабейшего противника. Вот он и защищает свои капиталовложения, стараясь поддержать в Обрубке боевой дух. Когда вертухаи не вмешиваются, тотализатор во время драк начинает работать

автоматически. Хаджи — местный банкир и меняла — или его подручные принимают ставки и выплачивают выигрыши. Все без обмана! Разве что, собирая в шапку тюремную валюту — сигареты, надо быть осторожнее: очень уж хрупкая эта «наличность». Но здесь все привыкли относиться к ней бережно. И даже сейчас, когда болельщиков переполняет азарт, они передают сигареты в банк крайне аккуратно. Так, чтобы из них не выпало ни крошки драгоценного табака.

Пересчитать Мачори зубы, говоришь? Да запросто! Дело за малым — уговорить гиганта постоять на месте и перестать размахивать своими пудовыми кулачищами.

Увы, но когда он прет на тебя, сметая столы и скамьи, идти на него в контратаку — заведомое фиаско. И пространство для маневров как назло не расширить. Любая попытка вырваться из круга болельщиков закончится тем, что они втолкнут тебя обратно. Ладно хоть сам круг достаточно просторен, за что надо сказать спасибо врагу Обрубка. Все, включая Хаджи, боятся подвернуться ему под горячую руку, поэтому волей-неволей расступились пошире. И шарахались еще дальше, стоило лишь гоняющему свою жертву Мачори приблизиться к краю арены.

Правил в таких драках не существовало в принципе. Дерущиеся могли бить друг друга всем,

чем угодно. Проблема в том, что в тюрьме — и конкретно в тюремной столовой — разжиться эффективным оружием было невозможно. Убить или покалечить Мачори пластиковым подносом с углублениями для еды, пластиковыми вилками-ложками и пластиковыми стаканчиками можно было лишь в одном случае: затолкав их ему в глотку так, чтобы он задохнулся. Кухня — совсем другое дело! Там Обрубок гарантированно нашел бы даже нож. Но на входе в кухню дежурит охрана, а перескочить туда через стойку раздачи пищи мешает толпа болельщиков. Да и вертухаи не дураки — такой финт они точно не проморгают. И угостят хитреца зарядом из электрошокера, прежде чем он запрыгнет на стойку.

Что же ему остается? Только столы и скамьи. Которые, опять же к несчастью, нельзя обратить в обломки, поскольку они сварены из металла. Как раз на случай беспорядков — дабы зэки не понаделали из них дубинок и копий. Вот только если Мачори расшвыривал мебель, как игрушечную, то калека не мог оторвать от пола даже скамейку. Все они были метра по два в длину и весили килограммов по двадцать каждая. Одной рукой их еще можно было передвинуть с места на место, но отмахиваться ими от противника — уже нет.

Неужто это и впрямь конец?

Обрубку не хотелось думать о худшем, пока он стоял на ногах и мог передвигаться, пусть и в границах «гладиаторской» арены. Он знал, какая именно смерть ему уготована, и для кого-то другого это было бы равносильно зачитыванию смертного приговора. Обрубок думал иначе и относил для себя эту информацию в разряд стратегической. Наряду с тем фактом, что упавшая с подносов пища делала пол скользким. Не везде, а лишь местами, но тренированный взор Обрубка, привыкшего обращать внимание на полезные мелочи, уже заметил эти коварные участки пола. Которые угрожали не только ему, но и Мачори, обутому в такие же тюремные кеды.

Беснующийся амбал устроил в столовой неслабый кавардак и к этой минуте успел запыхаться. Не настолько, чтобы ослабить натиск, но одышка делала его более медлительным и неловким. К чему Обрубок и стремился. И едва расслышав, как дыхание Мачори стало сиплым и тяжелым, понял, что настала пора устроить ему сюрприз.

Увильнув от очередной вражеской атаки, калека не стал перебегать на другой край арены, как делал прежде. Вместо этого он нырком бросился под стол, который враг еще не перевернул, а лишь сдвинул с места. Удивленный странной выходкой Обрубка, Мачори изрыгнул новую порцию брани,

на которую никогда не скупился. А потом ухватился за столешницу и рванул стол на себя, желая отшвырнуть его со своего пути, как не раз уже проделывал это сегодня...

...И опять разразился бранью, ибо внезапно потерпел неудачу!

Осечка вышла не потому, что стол был какой-то особенный. Просто спрятавшийся под ним Обрубок уцепился своей единственной рукой за продольную распорку-перекладину. Ту, что соединяла между собой две поперечные распорки, которые, в свою очередь, соединяли ножки на том и другом концах стола. И теперь, двигая его, Мачори приходилось заодно двигать и удерживающего стол противника.

Впрочем, затруднения эти были для гиганта незначительными, ведь его жертва все равно не смогла бы защититься от него таким образом.

Наклонившись, Мачори хотел пнуть противника в голову. Но хитрец-Обрубок изловчился и лягнул Мачори в момент удара по ноге, отбив атаку. Отчего удар громилы угодил не в калеку, а в перекладину, за которую тот держался.

Будь громила обут в армейские ботинки, которые он носил на воле, во Французском Иностранном легионе, он при этом даже не поморщился бы. Но пинать со всей дури железную рейку в кедах было весьма болезненно. Ушибив

пятку, садист взревел, после чего вновь ухватился за стол и рванул его с удвоенной силой.

Обрубок мог бы выдержать еще три или четыре таких рывка, но не стал это проверять. Борьба, которую он вел, лежа под столом, являлась всего лишь уловкой, заставляющей Мачори делать то, что было необходимо Обрубку. И потому на втором рывке калека просто взял и выпустил перекладину из рук.

Вложивший в рывок все силы Мачори не ожидал такой подлянки. Стремительно попятившись, он почувствовал, что теряет равновесие, и уронил тяжелый стол на пол. Но это ему не помогло, так как под ноги ему угодили подносы с недоеденным обедом. Поскользнувшись на них, амбал растянулся навзничь, чуть было не стукнувшись в падении затылком о другой перевернутый стол. И мгновенно решил вскочить на ноги, да не тут-то было! опередивший его калека уже стоял на ногах и намеревался использовать отыгранное у врага преимущество.

Ухватив выроненный Мачори стол за край, Обрубок одной рукой перевернул его и тоже уронил. Только не на пол, а на грудь гиганту. А чтобы он тотчас же не сбросил с себя обузу, калека запрыгнул поверх накрывшего его стола. После чего сделал на нем несколько прыжков, стараясь подскакивать как можно выше и приземляться как

можно жестче. Весил Обрубок килограммов восемьдесят — где-то раза в два меньше Мачори. Что, в общем-то, тоже было немало, и последнему приходилось сейчас несладко.

Надо ли говорить, как он озверел от столь неожиданного и позорного для него поворота? Человеку нормальных габаритов такое насилие запросто раздавило бы грудную клетку. Но громила избежал этого, упершись изо всех сил руками в столешницу и смягчив таким образом прыжки Обрубка. Не успей он соскочить со стола, Мачори в итоге стряхнул бы его с себя, будто расшалившегося котенка. К счастью, когда это случилось, прыгун уже находился на полу. И достаточно далеко от врага, поэтому его не придавило отброшенной в сторону мебелью.

После утомительной погони и еще более утомительной борьбы запыхавшийся Мачори не мог подняться с пола достаточно быстро. Обрубок к этой минуте тоже заметно устал, но сохранил силы для того, чтобы не дать врагу перехватить у него инициативу. Не успел еще гигант облегченно вздохнуть, как на него обрушилась новая напасть. Такая же тяжелая, как первая, и прилетела она оттуда, откуда Мачори ее не ждал. Что стало для него очередным неприятным сюрпризом... Если, конечно, он успел понять это за то мгновение, которое ему оставалось прожить на свете.

Не рискуя нападать на лежащего противника без оружия, Обрубок подскочил к столу, о который Мачори едва не ударился затылком, падая на пол. И устроил-таки встречу вражеской головы с этим тяжелым предметом. Так сказать, раз уж Магомет не идет к горе, то почему бы горе не сходить к Магомету...

Конечно, стол был и близко не сравним с горой. Но для раскалывания черепа, даже такого крепкого, он вполне годился. Вдобавок голова Мачори лежала на железном полу, а сам он не успел даже поднять руки, чтобы защититься — настолько внезапно все случилось.

Хрясть! — и доселе непобедимый садист-исполин забился в предсмертных конвульсиях. Точно так же, как бились в агонии его жертвы, которым он с упоением мозжил головы и на «Рифте-75», и на свободе. За что, собственно, его сюда и упекли, изгнав с позором из Французского Иностранного легиона...

От раздавшегося в момент удара мерзкого звука никто даже не поморщился. Да и с чего бы вдруг? Сложно удивить здесь кого-то расколотыми черепами и разбрызганными по полу мозгами. Большинство местных зэков прошло не одну войну и вдоволь насмотрелось на всякие мерзости. А многие не только насмотрелись, но и сами их творили. Причем зачастую с большим размахом и

изобретательностью. Таков он, этот «Рифт-75». Здесь практически нет гражданских преступников — сплошь одни военные. И не обычные, а исключительно те, кто был приговорен трибуналами своих стран к высшей мере наказания либо пожизненному заключению. Короче говоря, достойная компания для Обрубка, хоть он и сторонился здешних группировок, предпочитая держаться особняком и не привлекать к себе лишнего внимания ни собратьев-зэков, ни охраны.

Все верно, сама по себе гибель Мачори никого не ужаснула. Но вот гибель не абы кого, а правой руки полковника Рошона вызвала в толпе оторопь. Происшествие было далеко не рядовым и могло обернуться весьма неприятными последствиями. В первую очередь, разумеется, для Обрубка. Синие Одеяла не накинулись на него здесь и сейчас лишь потому, что чтит негласные правила таких поединков. А именно: окончательную участь их победителя решали только главари банд — Рошон, Абу Зейдан и Штернхейм. И в данном случае двое последних были не при делах, поскольку Мачори пал от руки обычного зэка, не входившего ни в одну банду.

Дальнейшая судьба Обрубка зависела от решения одного-единственного человека — Рошона. Который, как назло, отсутствовал сейчас в столовой. То есть полковнику придется судить обо

всем случившемся здесь по рассказам своих подручных. И это плохо, ведь ожидать по-настоящему честного суда от главара Синих Одеял — да и от остальных главарей тоже — было бы слишком самонадеянно.

Впрочем, пока что Обрубка беспокоило другое. Едва до всех дошло, что Мачори мертв, как вертухаи тут же сорвались с места. И, выкрикивая команду «Разойдись!», стали проталкиваться сквозь толпу к победителю. Разумеется, никто и не попытался им воспрепятствовать. Заметив их приближение, Обрубок решил не дожидаться ударов дубинками. И, подняв руки, заранее встал на колени, как требовали в таких случаях тюремные правила. Правда, он чувял, что без насилия все равно не обойдется. Ни Обрубок, ни прочие нарушители порядка никогда не отправлялись в карцер, избежав побоев. Тоже своего рода тюремный ритуал, через который проходят все штрафники, неважно, сопротивляются они при этом охране или нет.

Так и вышло. Получив ботинком промеж лопаток, Обрубок упал ниц, чудом умудрившись не разбить лицо об пол. После чего инстинктивно подтянул колени к груди и прикрыл голову рукой, хотя последнее было лишним. Вертухаи не били зэков дубинками по голове. Но вовсе не из гуманности — просто не желали стрясти им мозги и нянчиться потом с сумасшедшими, с которыми и

подавно хлопот не оберешься.

Получив дежурную порцию синяков, скрипящий зубами от боли Обрубок был столь же бесцеремонно подхвачен под руки и поставлен на ноги. А потом закован: наручник на его здоровой руке крепился к ножным кандалам цепью, что пропускалась через кольцо на опоясывающем талию широком ремне.

Вертухаям не хотелось таскать нарушителей в изолятор на себе, поэтому их дубасили так, чтобы они не падали и могли шевелить ногами. И пусть сидеть в темном, сыром и тесном ШИЗО было той еще пыткой, Обрубка не пугала такая перспектива. Уж лучше идти на своих двоих в карцер, чем отправиться на носилках в морг. Неизвестно, что случится завтра, но этот дерьмовый день Обрубок пережил. Причем относительно целым и невредимым. А это значит, что он сохранил достаточно сил для того, чтобы пережить и завтрашний день. Который, в свою очередь, покажет, есть ли у него шанс выжить послезавтра.

Здесь, в карцере, он не боялся, что Синие Одеяла подкрадутся к нему незаметно и нанесут удар в спину. И прочим врагам, которые тоже могли сговориться с охраной и навестить штрафника, придется войти к нему в камеру и драться с ним лицом к лицу. Сомнительное утешение, но за неимением лучшего Обрубок

довольствовался и таким. На «Рифте-75» он привык ценить любую радость, даже мимолетную. И наслаждался ею столько, сколько у него это получится...

Глава 2

— Кальтер!.. Кальтер, ты спишь?.. Эй, просыпайся, есть разговор!

Обрубок открыл глаза. Он не спал, а всего лишь дремал, и то вполглаза. И потому догадался, кто обращается к нему громким шепотом из-за карцерной двери.

Это был уборщик, который недавно был впущен в изоляторный блок и, гремя ведром, принялся мыть коридорный пол. Один из заключенных-одинок, которые, в отличие от Синих Одеял, Факельщиков и Диких Гусей, не чурались грязной работы. Обрубок и сам был бы не прочь драить тюремные полы хоть днями напролет. Несмотря на неприглядность подобного труда, он не только разнообразил бы узнику жизнь, но и давал шанс побывать в тех уголках тюрьмы, где Обрубок еще не бывал. И которые ему тоже очень хотелось бы осмотреть.

Увы, но здесь инвалидам запрещалось носить протезы. А управляться со шваброй одной рукой несподручно. Поэтому единственное, что поручали

Обрубку — это толкать всяческие тележки: в библиотеке, на складе, в прачечной... Тоже в принципе неплохая работа. Но она не позволяла заходить в те части тюрьмы, куда не требовалось ничего возить на тележке. Или же где пройти с тележкой было просто-напросто невозможно.

— Кальтер, ты проснулся? — вновь поинтересовались из-за двери.

— Чего тебе надо? — отозвался Обрубок, пересев к двери и прислонившись к ней спиной. Его не удивило, что уборщик знал его оперативный псевдоним, который он носил, когда служил в российском военно-разведывательном Ведомстве. На «Рифте-75» зэкам друг о друге известно многое. Когда сюда привозят нового заключенного, о нем рассказывают во всеуслышание по тюремному радио: кто он такой, где и за кого воевал, чем знаменит и за что был приговорен к смерти либо пожизненному сроку. Осведомленность здешней администрации о своих узниках была поразительной. Кажется, для нее вообще не существовало никаких секретов. Впрочем, это было не самое великое чудо, с которым доводилось сталкиваться Обрубку. Тем более что он догадывался, какими путями хозяева «Рифта-75» раздобыли его сверхсекретное досье. Оно появилось на тихоокеанском атолле Татакото стараниями тех же мерзавцев, по чьей милости

здесь очутился сам Обрубок.

«Серые»!

Если даже не они виновны в аномальном бедламе, что творится на планете, они все равно имеют к нему непосредственное отношение. По крайней мере, злключения Обрубка начались с их подачи и продолжаются по сей день. Дубай, Скважинск, и вот теперь малоизвестный атолл Французской Полинезии... Крутой маршрут, ничего не скажешь.

Или это не продолжение злключений, а их финальная точка? Тоже не исключено. За год, что Обрубок просидел на «Рифте-75», он не сталкивался ни с «серыми», ни с пакалями, ни с черными разломами-аномалиями. Его просто зашвырнули сюда, к другим военным преступникам, и оставили здесь. Причем не на время, а уже навсегда. С этой тюрьги «откидывались» только мертвецы. Да и тех не отправляли на Большую землю, а хоронили по старому морскому обычаю. То есть обертывали в саван, привязывали к ногам груз и без лишних сантиментов топили в океане. Единственная почать, которой достаивались те из них, кто верил в христианского бога, — короткая литургия, отслуженная священником «Чистой совести». И то не всегда, а лишь когда он присутствовал на атолле, куда его дважды в месяц привозил для

богослужений вертолет.

— Как самочувствие, Кальтер? — осведомился полотер, шурша по бетону не то щеткой, не то шваброй. — Надеюсь, тот бешеный носорог, катись он теперь в ад, позавчера не сильно тебя потрепал?

— Я спросил, чего тебе от меня надо? — Обрубок, он же Кальтер, не горел желанием трепаться о всякой ерунде. Хотя против разговора как такового не возражал. Почему бы и нет? Все какое-то развлечение в карцере, где не было даже нар, а вместо унитаза наличествовала лишь вонючая дырка в полу.

— Не злись, брат, — попросил уборщик, которого, похоже, не обижали грубые манеры собеседника. — Это я — Скарабей. И я всего лишь проявляю вежливость. Хотя, вижу, тебе на нее начхать... Ну да ладно, не будем терять время. К делу так к делу...

Кальтер не узнал говорившего по голосу, но когда тот представился, он его сразу вспомнил. Скарабей — это британец Харви Багнер. Бывший армейский аналитик из штаб-квартиры НАТО. Довольно уникальный, по здешним меркам, тип. Бледная, тощая и хилая штабная крыса, что никогда не участвовала в боевых действиях, угодила в компанию самых отъявленных военных преступников на свете. Лишнее доказательство

тому, что у фортуны по-прежнему все в порядке с чувством юмора.

Скарабей сидел на «Рифте-75» дольше Обрубка, и последнему не довелось прослушать местную радиопередачу о нем. Но со временем Кальтер выяснил, что Багнер устроил не то диверсию, не то крупную военную авантюру, от которой в итоге пострадало много народа. Подробности Кальтера уже не интересовали. И до нынешнего дня он говорил со Скарабеем лишь однажды — когда подыскивал себе более интересное и полезное занятие. Харви мог ему в этом посодействовать. Он был среди трудящихся эзков кем-то вроде профсоюзного лидера или дипломатического посредника между ними и администрацией тюрьмы. Но в тот раз Багнер лишь развел руками: дескать, прости, инвалид; да, я могу дать тебе любую работу, но если хозяева увидят калеку на неположенной по инструкции должности, проблемы будут в первую очередь у меня...

Больше Кальтер к нему не подкатывал, довольствуясь своей тележкой и не ища добра от добра. И вдруг в кои-то веки Скарабей сам к нему пожаловал! Разве что место для деловой беседы он выбрал откровенно неудачное.

— Короче, у меня нашлась для тебя хорошая работенка, — продолжал Харви, не прекращая шоркать пол. — Не знаю, правда, обрадует она тебя

или нет. Но, если дашь согласие, считай, что ты в игре.

— Работенка? — удивился Обрубок. — Что ж, спасибо за хорошую новость! Однако тебе не кажется, что ты не вовремя ко мне обратился? Ты когда входил в этот блок, прочел, что написано на воротах?

— Прочел, — подтвердил Багнер. — Там написано «Штрафной изолятор». И чтобы с тобой поболтать, мне даже пришлось арендовать на денек ведро со шваброй у старика Лю Чена и явиться сюда на уборку вместо него.

— Вот как? — снова удивился Кальтер. — И чем я могу быть тебе полезен, сидя в карцере, откуда выйду в лучшем случае через месяц? А в худшем, вообще не выйду. Сам знаешь, за что меня сюда упекли, и как Рошон опечалится, лишившись своего самого верного и любимого пса... Слушай, чем это у тебя там воняет?

— За разговорчики со штрафником меня по головке не погладят. Чтобы задержаться возле твоей камеры, мне пришлось симулировать криворукость: разлить у тебя под дверь бутылку дезинфицирующего хлорного геля, — признался Скарабей. — Охранник дал мне три минуты на то, чтобы отчистить эту дрянь. Но я думаю, что так быстро он не вернется, потому что вонь выветрится отсюда как минимум минут через пять... Короче,

поболтать мы с тобой успеем, хоть и недолго. Поэтому ты, будь другом, успевай обдумать мое предложение и дать мне окончательный ответ.

— Как ты намерен меня отсюда вытащить и чем мне придется заниматься? — спросил Обрубок. Он уже понял, что Харви рисковал, придя сюда, не затем, чтобы послать Обрубка, махать метлой или крутить гайки.

— Вытащить тебя из ШИЗО на самом деле не проблема, брат, — ответил Багнер. — Все будет зависеть лишь от твоего согласия. Хотя чую, ты не откажешься поработать по своей прежней специальности, ведь так?

— Все зависит от того, какую из двух десятков моих прежних специальностей ты имеешь в виду, — уклонился от прямого ответа Кальтер. Следуя шпионской привычке, он всегда юлил и изворачивался, когда с ним заводили разговор на эту щекотливую тему.

— Я говорю о той твоей профессии, что помогла тебе разделаться с Мачори, — уточнил Харви. — Брось скромничать, Обрубок! Хоть ты и инвалид, но хватка у тебя еще есть, и нервы в полном порядке. Так почему бы тебе не потряхнуть стариной? А тем более легально, с разрешения администрации и без риска снова загреметь в карцер.

— Не знаю, кому вы там с начальником ван

Хейсом решили пустить кровь, но я пас, — отказался Кальтер. — Извини, Скарабей, но мне не по нутру здешние политические игры, и я отказываюсь в них участвовать. Пусть директор подписывает на грязную работу кого-то другого и устраняет неугодных эзков его руками. Тем более что таких желающих на «Рифте» пруд пруди. Только щелкни пальцами, и они толпой набегут. Причем все, как на подбор, крепкие и здоровые. Но тебе зачем-то понадобился старый однорукий инвалид. В чем подвох?

— Не делай скоропалительных выводов, — ответил Багнер. — Я еще не все тебе рассказал. Политика здесь совершенно ни при чем. Возможно, ван Хейс и впрямь не прочь грохнуть обнаглевшего Абу Зейдана, в назидание другим главарям, но сегодня у директора есть проблемы посерьезнее.

— Интересно, что может быть для него серьезнее угрозы бунта? — хмыкнул Обрубок. — Разве что надвигающееся на атолл цунами. Но здесь я вам тем более не помощник. Тот парень, что может остановить цунами, живет в Голливуде и его зовут Брюс Уиллис.

— Ничего не знаю про цунами. — Скарабей был не расположен к шуткам. Угроза быть смытыми в океан беспокоила сегодня островитян в любой части света. — Зато мне точно известно, что кто-то осушает на «Рифте» затопленные уровни. И

ЭТОТ «КТО-ТО» — явно не из наших, потому что осушение уровней производится без включения помп.

— Ишь ты! Воистину, загадка! Прямо как в той сказке: «Кто-то в поле стал ходить и пшеницу шевелить. Мужики такой печали отродясь не видали», — пробормотал Обрубок.

— Извини, брат, но я не говорю по-русски, — напомнил из-за двери собеседник. — Что ты сказал?

— Я спросил, есть ли у ван Хейса догадки насчет этого чуда природы. И все еще не врубаюсь, какое отношение это имеет ко мне? — Обрубок не стал переводить британцу процитированные им строки Ершова, так как болтать о поэзии было неподходящее время.

— Есть одна догадка, — подтвердил Багнер. — И чтобы ее проверить, директор велел мне подыскать несколько надежных ребят. Таких, которые не якшаются с группировками и умеют держать язык за зубами.

— Насчет языка ничего не обещаю. С годами я стал настолько болтлив и сентиментален, что порой сам себе бываю противен.

— Как раз тебя берут в команду не по этой причине, — усмехнулся Скарабей. — Вернее, по этой и по другой, которая важнее первой. Идею насчет твоего участия выдвинул сам ван Хейс, и

если ты откажешься, он будет огорчен. Чертовски огорчен, понимаешь, о чем я?

— Понимаю, да не совсем, — пожал плечами Обрубок. — Если я нужен директору, почему он не велел притащить меня к себе в кабинет, а сообщает об этом через тебя? Да еще в обход охраны?

— Если тебя приведут к ван Хейсу для разговора, Рошон, Абу Зейдан и Штернхейм узнают об этом, прежде чем ты выйдешь из директорского кабинета. И захотят выяснить, о чем же сокровенном вы там шептались. А каким образом они выбьют из тебя эти подробности, ты догадываешься. То же самое случится, если директор самолично посетит тебя в изоляторе. Неужели ты все еще не в курсе, что на «Рифте» над нами стоят две власти: директор Ян ван Хейс и начальник охраны Штефан Ковач? Полномочия каждого из них четко определены, но оба они — крайне амбициозные типы. И оба любят соваться в чужой монастырь со своим уставом. Поэтому частенько устраивают друг другу каверзы, используя для этого нас. А мы в итоге огребаем по шее и от того, и от другого. Думаешь, получали бы Дикие Гуси дополнительные сигареты и пайки, если бы у ван Хейса не было на воле связей с братством военных наемников? Думаешь, стали бы Синие Одеяла так наглеть, если бы их не покрывал сам Ковач? Думаешь, тот носорог позавчера просто

так на тебя набросился?

— И в чем же я провинился перед Мачори и его братвой?

— Этого я не знаю. Но я знаю, что как только на подводных уровнях тюрьмы начались странности, ван Хейс сразу поднял из архива твое досье. О чем наверняка было доложено и Ковачу. Но, поскольку директор запретил охране туда спускаться, Ковач затаил на него очередную обиду. И решил, что раз ты ему срочно нужен, то почему бы тебе вдруг не издохнуть и не испортить тем самым директорские планы.

— Вот как, значит? Ладно, благодарю за политинформацию — полезная вышла лекция. Так по какой же причине директор затребовал мое досье, и с какой стати я должен идти с вами?

— Слушай, брат, времени у меня в обрез, поэтому буду краток, — забеспокоился Харви, видимо, услышав в коридоре шаги возвращающегося охранника. — Ван Хейс утверждает, что на самом нижнем уровне «Рифта» есть некая черная аномалия, загадку которой ты мог бы ему объяснить. Он говорит, это одна из тех аномалий, которые сегодня наблюдают по всему миру. И вокруг которых якобы творится всякая чертовщина. Знакомо тебе это дерьмо или нет?

— Я слышал на свободе о черных кляксах. Но почему директор так во мне уверен? Я ведь не

эксперт по паранормальным явлениям.

— Проклятье, ты что, действительно не въезжаешь, что ван Хейсу от тебя надо? Если нет — тогда я зря трачу здесь свое время. И без тебя разберемся, что там к чему. Счастливо оставаться, брат! Забудь об этом разговоре — считай, что его не было...

Кальтеру очень не хотелось ввязываться в сомнительную авантюру, участие в которой грозило испортить ему отношения и с директором тюрьмы, и с начальником охраны. Однако упоминание о черном разломе заставило его забыть на время об осторожности. Это была первая найденная им серьезная зацепка, способная пролить свет на то, как он здесь очутился. И, возможно, помочь ему найти выход из западни. В конце концов, сбежать отсюда без риска для жизни было невозможно в принципе. Так почему Обрубку не начать рисковать прямо здесь и сейчас, ведь другого шанса докопаться до истины ему может и не представиться.

— Погоди, Скарабей! — попросил он. — Ты прав: мне кое-что известно о черных аномалиях. Возможно, даже больше, чем кому-либо еще из эзков. Поэтому передай директору: я согласен. Пусть вытаскивает меня из карцера, и давай, так уж и быть, займемся настоящим делом.

— Вот это другой разговор! — отозвался

Харви. — Давно бы так, Кальтер! Полагаю, завтра вопрос с твоим досрочным выходом из ШИЗО будет решен. А ты за это время постарайся не издохнуть, если Ковач надумает устроить тебе свидание с Синими Одеждами.

— Легко сказать «не издохни» тому, кто и так сидит в могиле, — проворчал Обрубок, окинув взглядом узкий железный колодец, который был его сегодняшним домом. И который он с легкостью променяет на мрачные отсеки и коридоры нижних уровней, хотя вряд ли они окажутся веселее карцера. Но как бы то ни было, там у него будет чем заняться. И, вероятно, с пользой не только для начальства, но и для себя. Ведь если черный разлом привел его на «Рифт-75», то, вероятно, этот же разлом может стать ключом к его свободе...

Глава 3

Прежде Константину Куприянову, Кальтеру, бывшему оперативнику-дезертиру из русского военно-разведывательного Ведомства, не доводилось сидеть в тюрьмах. Вот почему за год пребывания на «Рифте-75» его прошлая жизнь стала казаться ему такой далекой, словно он проторчал здесь как минимум в десять раз дольше.

Кальтер не жаловался на дырявую память, которая его по-прежнему не подводила. Просто все

случившееся с ним в последние годы — и в частности прошлогодние события — было покрыто странным налетом давности. Куприянов ничего не забыл... или, вернее, думал, что не забыл. Но в то же время он не мог предельно отчетливо вспомнить свое ближайшее прошлое, как только ни напрягал свою тренированную память.

Вряд ли это было нормально. И Кальтер догадывался, что послужило тому причиной. Черная клякса! Аномальный разлом, в который он провалился в Скважинске, когда помогал своей приемной дочери Верданди устранять причину трагедии, что обрушилась на тот городок. Трагедии, чьи ужасные последствия могли отразиться на всей планете. Или это Вера помогала тогда дяде Косте? Нет, скорее всего они оба помогали друг другу, ведь Институт темпоральных исследований, где служила его дочь, послал их в Скважинск как единую спасательную команду...

Впрочем, сейчас это не имело значения. Главное, они навели там порядок, и теперь в Скважинске не было аномальной зоны. Кальтер узнал об этом уже на Татакото. Несмотря на то что атолл находился в заднице мира, здесь имелось спутниковое телевидение. Да и газеты с журналами на вертолетах подвозили регулярно. А вот доступ в Интернет на «Рифте-75» зэкам был закрыт, хотя в офисах директора тюрьмы и начальника охраны он

имелся.

Чтобы разобраться со скважинской проблемой, Куприянов устроил подземный ядерный взрыв малой мощности. Ради чего ему пришлось спуститься с тактическим ядерным зарядом в глубокую шахту. Однако эвакуироваться оттуда подрывник не успел — еще до того, как бомба рванула, он упал в обнаружившийся там черный разлом...

... А очнулся уже на Татакото, в тюремном лазарете. Куда его, по словам врача, доставили в бессознательном состоянии с Таити. О том, как будущий зэк по кличке Обрубок попал на Таити, врач понятия не имел. Сказал лишь, что оттуда на атолл доставляют всех без исключения осужденных. И что многих из них, подобно Куприянову, тоже накачивают снотворным, дабы они не буянили по дороге.

Вот такой сюрприз подбросили Кальтеру проклятые «серые». Причем далеко не первый сюрприз. И, вероятно, не последний, если Скарабей не соврал и на «Рифте-75» действительно обнаружили черную аномалию.

Выжила ли тогда Верданди, Кальтер не знал. Но раз ни о каких последствиях ядерного взрыва в новостях из Скважинска не упоминали, значит, у нее были все шансы отправиться домой целой и невредимой. Уцелел и Куприянов, что было пусть

невероятной, но правдой. Жаль только, Вера об этом не знала. И теперь наверняка считала, что он погиб в шахте, обращенный в пар бомбой, которую сам же туда доставил.

Знай Верданди о той аномалии, она точно не утратила бы надежды. Допустила бы, что дядя Костя мог спастись от взрыва в разломе, и попыталась бы затем его найти. У нее имелась техника, чтобы отыскать его следы не только в любой части света, но и в любом времени, куда могла телепортировать его аномальная энергия. Или, может, не энергия, а «серые», которые всю ею пользовались. Но Вере явно и в голову не пришло, что Кальтер вляпался в черную кляксу и сгинул из шахты за миг до взрыва. Поэтому у нее не было никакого резона организовывать его поиски. А если даже она их вела, результат был очевиден: Куприянов все еще гнил на Татакото. Там, откуда Вере совершенно точно не составило бы труда его вытащить.

Где и как долго пропадал Кальтер после того, как провалился в аномалию, по сей день оставалось для него загадкой. На «Рифт-75» он прибыл спустя неделю после скважинских событий, не обнаружив у себя ни физических, ни психических отклонений. Кроме разве что вышеупомянутого странного ощущения, что с той поры миновала не неделя, а примерно десятилетие.

Ощущение было крайне нетипичным и стойким, отчего Куприянов даже почувствовал себя предателем своей приемной дочери. Предателем невольным, но осознавать это все равно было неприятно. А как еще он мог себя чувствовать? Все воспоминания о том, что они вместе пережили, лежали теперь в его памяти хоть не на дальней полке, но и не на главной, как вполне того заслуживали. Все это, бесспорно, являлось негативными последствиями контакта с аномальной энергией «серых». Однако сам факт, что Кальтер не мог теперь привести в порядок собственную память, его угнетал.

Впрочем, дальше мысленного самобичевания у Куприянова дело не зашло. Окунувшись в новую агрессивную среду, он тут же отринул все сомнения и решил жить не прошлым, а будущим. То есть не воспоминаниями, проку от которых было мало, а... нет, не светлыми мечтами. Правильнее сказать — стратегическими расчетами. Которые, по мере сбора нужной информации, могли рано или поздно оформиться в план побега. А чтобы дожить до этого самого будущего, Кальтеру требовалось не дать себя угробить в настоящем. Для ветерана теневых войн сия задачка была теоретически выполнима. Однако на практике все упиралось в непривычную для него среду обитания. Где ему надо было как можно скорее и безболезненнее

адаптироваться.

Атолл Татакото располагался в восточной части архипелага Туамоту, входящего в свою очередь в состав Французской Полинезии. Сам Татакото состоял из шестидесяти с лишним островков. Самый крупный из них имел крючковидную форму и протянулся на четырнадцать километров с запада на восток. А с севера на юг — всего-навсего на четыреста метров. Раньше единственными обитателями атолла были аборигены. Они выращивали на нем кокосовые пальмы и добывали из их плодов копру — сырье для производства технических масел. Однако во второй половине двадцатого века океанологи обнаружили в океаническом разломе близ Татакото глубоководные формы жизни, ранее неизвестные науке. И не только их, но и уйму другого любопытного материала для исследования. Который вызвал интерес не только у океанологов, но и у геологов, вулканологов и специалистов из других областей науки. Что и привело в итоге к строительству на западной оконечности Татакото международной научно-исследовательской базы под названием «Рифт-75».

Это был очень крупный и современный, по тем временам, многоуровневый комплекс. Его возвели не на самом атолле, а в двух километрах от побережья, неподалеку от разлома. И походил он

одновременно и на нефтяную платформу, и на инопланетную крепость из популярных в те годы фантастических кинофильмов. На «Рифте-75» имелись надводные и подводные уровни, надстройки, открытые террасы, понтонный причал, вертолетная площадка и своя приливная электростанция. Последняя была небольшой, но ее мощности хватало на все без исключения нужды базы. Изучение морского дна и разлома велось с помощью глубоководных зондов, бурильных аппаратов и батискафов. И даже несмотря на удаленность этого форпоста науки от цивилизации, его регулярно посещали научно-исследовательские суда со всего мира.

Работа на «Рифте-75» шла полным ходом более двух десятков лет. Тысячи ученых проводили на нем опыты и исследования, на основании которых было написано множество научных трудов. К несчастью, нагрянувший уже в новом веке финансовый кризис сделал содержание станции нерентабельным, и она была закрыта. Правда, ненадолго. Вскоре ее выкупила международная гуманитарная организация «Чистая совесть». Несмотря на экономические трудности, она нашла для этого средства, хотя вряд ли содержание частных тюрем, а тем более крупных, приносило их хозяевам большие доходы.

Вот так и появилась здесь тюрьма особого

режима для военных преступников. Тех, что были приговорены у себя на родине или Международным уголовным судом в Гааге к самым суровым наказаниям, уже без права выхода на свободу. Встречались здесь и обычные уголовные элементы, но их на Татакото содержалось мало. И попадали они сюда, скорее, в порядке исключения, согласно отдельным договоренностям правительств их стран с «Чистой совестью».

Лучшего места для заточения подобного контингента не сыскать. Чтобы добраться даже до ближайших атоллов, требовалось отплыть от Татакото порядка двухсот километров. До центра Французской Полинезии — Таити — пришлось бы грести по волнам гораздо дольше: без малого тысяча двести километров. Ну а ближайшие материка — Австралия и Южная Америка — отстояли от архипелага Туамоту почти на семь тысяч километров каждый. Сказать, что побег с «Рифта-75» окажется труден, все равно что назвать экскурсией полет на Луну. Даже посчастлившись кому-нибудь из зэков выбраться за пределы тюрьмы, ему было бы еще далеко до свободы. В этом случае главные трудности для него только начинались. Особенно если снаружи его не ждали приятели на катере или вертолете — без быстроходного транспорта побег отсюда был изначально обречен на неудачу.

Разумеется, местная охрана не полагалась на одну лишь удаленность Татакото от других островов и атоллов. Она имела в своем распоряжении огневую мощь, чтобы отбить атаку даже небольшой, хорошо вооруженной армии. Как по морю, так и с воздуха. Что было вовсе не перестраховкой, а разумной необходимостью. У многих упеченных сюда бывших военных командиров, лидеров повстанческих группировок и вожаков наемничьих братств остались на свободе не только друзья, но и верные им по сей день отряды. Правда, ни один из таких до Татакото еще не добирался, но подобная угроза никогда не исключалась.

Все автоматы, пулеметы, зенитные пушки, ракетные установки «земля — воздух», патрульные катера и вертолет, которыми «Чистая совесть» оснастила подразделение Ковача, поддерживались в исправном состоянии. А его бойцы регулярно устраивали тренировочные стрельбы, чья канонада долетала до эков иногда даже ночью. Долетала и лишний раз напоминала им, что «Рифт-75» всегда готов ко встрече незваных гостей, за кем бы они ни пожаловали.

Впрочем, пушки и ракеты Кальтера сегодня не беспокоили. Они не причинят ему вреда, пока он находится в стенах тюрьмы. С гораздо большей вероятностью его мечту о свободе разобьют другие

зэки. Причем разобьют вместе с его черепной коробкой, что едва не случилось намедни, когда Обрубку не повезло сцепиться с Мачори. Но то был исключительный случай. До этого же ни одна драка, в которую он ввязывался, не доходила до смертоубийства. А драться ему поначалу приходилось частенько. После прозвучавшей на всю тюрьму радиопередачи о нем нашлись желающие начистить ему физиономию сразу, как только он переступил порог лазарета и очутился среди других зэков. (Надо заметить, что в той радиопередаче рассказывалось лишь о службе Куприянова в Ведомстве и его дезертирстве, но ни слова не упоминалось о последних годах его жизни. Что ж, и на том спасибо, господа «серые»!)

Больше всего драк Кальтер выдержал с Факельщиками — подручными иракского генерала Абу Зейдана. Того, который после свержения Саддама Хусейна еще несколько лет партизанил на родине и нанес много ущерба коалиционным силам, прежде чем его арестовали. Факельщики были самой «идейной» тюремной группировкой. В нее входили такие же, как сам Абу Зейдан, бывшие партизаны, революционеры, повстанцы, террористы и прочие пламенные борцы за свободу. Причем не только с Ближнего Востока, но и со всего мира.

Этим и отличались порядки «Рифта-75» от порядков обычной тюрьмы. Тут зэки объединялись

в банды не по цвету кожи или вероисповеданию, а по родству взглядов и убеждений. А также целей, которых они хотели достичь как в своей прошлой жизни, так и в нынешней. Всех Факельщиков объединяла мечта снова очутиться на свободе, вернуться к себе на родину и продолжить борьбу, которую им не дали довести до конца упрятавшие их за решетку негодяи. Поэтому они и зажигали свои «факелы свободы», делая те втайне от охраны из подручного горючего материала.

Сжигание каждого такого факела происходило с большим шумом и всегда сопровождалось беспорядками. Обычно — кратковременными, поскольку охрана давно изучила повадки неугомонных «революционеров». И когда очередной их герой выбегал с зажженным светочем из камеры, проносился с ним по жилому блоку, словно олимпийский факелоносец, и пытался что-нибудь поджечь, на него тут же стаей налетали вертухаи. Наученные опытом прошлых лет, они все время держали под рукой огнетушители и водометы. И щедро окатывали поджигателя водой и пеной, не делая исключения для тех зэков, кому не повезло оказаться в тот момент рядом с ним.

Абу Зейдан и его сподвижники поклонялись огню с фанатизмом пироманьяков. Зэкам запрещалось иметь при себе средства добывания

огня, а курить разрешалось лишь на прогулке, прикуривая сигареты от зажигалки надзирателя и друг у друга. Однако Факельщики, словно пещерные дикари, научились добывать огонь без помощи зажигалок и спичек. Они изобрели десятки таких способов, и за ними денно и ночью требовался глаз да глаз. Особенно после того, как двое самых чокнутых из них проявили величайшую по их меркам доблесть — совершили акт самосожжения. От чего, поговаривают, даже сам Абу Зейдан пришел в ужас. Объявив самоубийц святыми, он заявил, что их жертвы во имя свободы оказались более чем достаточны. Поэтому другим братьям-факельщикам повторять сей беспримерный подвиг категорически запрещено. Да, самосожжение весьма почетно, подчеркнул генерал, но если каждый борец за свободу начнет вдохновлять своей добровольной гибелью других борцов, кто же в итоге останется в строю и продолжит борьбу за общее дело?

Аргумент подействовал. И с тех пор желающие поджарить себя ради светлых идеалов среди Факельщиков не появлялись. Банда вернулась к обычной практике поджигания матрасов, против чего Абу Зейдан уже не возражал. Возражала администрация. Вот только чем урезонить поджигателей, которым все равно не светит выйти на свободу до конца жизни?

Карцером? Ван Хейс лично распорядился впаивать за это штрафные наказания даже больше, чем за убийства других зэков. И что в итоге? Долгая отсидка в ШИЗО превращала факельщика в настоящего мученика. Чем он и гордился, когда выходил оттуда, и обретал среди собратьев еще больший авторитет.

Куприянов — бывший ликвидатор русского Ведомства — за двадцать лет своей шпионской деятельности на Ближнем Востоке перебил немало тамошних «борцов за свободу». И за свою неуловимость заработал в тех краях прозвище Безликий. Поэтому немудрено, что огнепоклонники Абу Зейдана сразу воспылали к нему праведным гневом. И стали нападать на него то поодиночке, то компанией.

Выходило это у них с переменным успехом.

Героев-одиночек держащий ушки на макушке Кальтер вычислял еще до того, как те на него набрасывались; вечно возбужденные Факельщики плохо умели скрывать свои намерения. С этими героями Куприянов особо не свирепствовал. Он просто делал им больно так, чтобы они сами от него отстали, — зачем почем зря напрашиваться на карцер?

С вражескими группами все обстояло сложнее. Здесь уже Куприянов отбивался в полную силу всеми подручными средствами. Пару раз ему

везло, и он переживал такие драки без последствий. Но в остальных случаях его неизбежно отправляли в лазарет, где он приходил в себя по нескольку дней.

Возможно, все обернулось бы еще хуже, не окажись в свое время на Ближнем Востоке среди жертв Безликого врагов самого Абу Зейдана. Поэтому сам генерал, в отличие от своих подручных, не питал к Обрубку злобы и не отдавал приказа с ним расправиться. Хотя и не препятствовал попыткам его избиения. Но, опять же, не призывал братьев к мести, когда Обрубок выходил из тех драк победителем. Лишь по этой причине тот был еще жив. Без разрешения главара Факельщики не могли пойти на мокруху. А Куприянов был для Абу Зейдана не тем врагом, убив которого, генерал хотел бы вступать из-за него в очередные разборки с администрацией.

В общем, немудрено, что со временем число Факельщиков, желающих пустить Кальтеру кровь, стало уменьшаться и в итоге практически сошло на нет. Конечно, огнепоклонники не простили его — с чего бы вдруг? Они просто потеряли к нему интерес, не получая за его наказание одобрения Абу Зейдана. В этом плане идейный борец за свободу почти ничем не отличается от обычного наемника. С той лишь разницей, что последний требует за свою работу деньги, а первый — похвалу вождя.

Или внимания к собственной персоне средств массовой информации. И порой такое эмоциональное подкрепление оказывается для оболваненного простака намного лучше и действеннее материального. К тому же оно позволяет его хозяевам экономить на нем деньги, ведь солдаты, сражающиеся не за вознаграждение, а за идею, были востребованы во все времена и на любых войнах...

До последнего инцидента в столовой с Синими Одеждами и Дикими Гусями Кальтеру удавалось поддерживать нейтралитет. Среди тех и других хватало бывших шпионов и разведчиков с такой же махровой репутацией, какая была у Обрубка. И даже если кому-то из них российское Ведомство совало когда-то палки в колеса, эта война была давно в прошлом и уже никого не интересовала. Настоящий профессионал не машет кулаками после драки с другим профессионалом, а тем более по прошествии стольких лет. И тем более там, где их обоих вынудили стать сокамерниками до конца жизни.

Зато сами Одежда и Гуси никогда не ладили между собой. И нередко грызлись везде, где только можно. Их конфликт, подобно конфликту Факельщиков и Кальтера, тоже разгорелся на идеологической почве. И вряд ли мог быть урегулирован мирным путем, поскольку имел такие

глубокие корни, что даже извечная вражда иудеев и мусульман в сравнении с ним выглядела значительно моложе.

Синими Одеями верховодил полковник Рошон, некогда служивший во Французском Иностранном легионе и осужденный за геноцид мирного населения в Африке. Авторитетный, суровый человек с развитыми лидерскими качествами, Рошон задался целью собрать на Татакото свой маленький «иностраннный легиончик». И в итоге собрал его. Правда, требования к желающим вступить туда отличались от требований, что предъявлялись кандидатам в обычный Легион. А именно: полковник принимал в свою группировку лишь тех заключенных, которые до сих пор остались верны воинской присяге той страны, в чьей армии они служили.

Удивительно, но таковых принципиальных эзков оказалось на «Рифте-75» немало. Даже после того, как родина разжаловала этих солдат с позором и отправила их в бессрочную ссылку на далекий атолл, они все еще считали себя патриотами. Такими же, как сам Рошон. Он загремел в тюрьму не за намеренное преступление, а за исполнение боевого приказа, в чем он, к несчастью для себя, излишне переусердствовал. Но сделал он так исключительно из-за любви к Франции и потому категорически отказывался считать себя

преступником. И никогда не жаловался на проявленную к нему родиной неблагодарность, считая себя жертвой политической ошибки и не теряя надежды на реабилитацию. Даже если она будет сделана уже после смерти полковника.

Несмотря ни на что, Синие Одеяла считали себя солдатами до мозга костей. И это действительно было так, ведь даже Кальтер не мог сегодня сказать, что он любит страну, которой верой и правдой прослужил более двадцати лет. Все легионеры, включая Рошона, носили отличительный знак: широкий пояс из обрывка синего одеяла. Прямо как бойцы настоящего Легиона! Разве что те носили свои традиционные пояса под ремнем с парадной формой, а головорезы Рошона — под тюремной робой. Но так, чтобы все видели эти пояса, когда куртки Одеял расстегнуты. Конечно, это тоже являлось нарушением формы одежды, но уже незначительным, и администрация тюрьмы закрывала на подобное глаза.

За что Синие Одеяла и Дикие Гуси ополчились друг на друга? Все просто: бывший частный военный инструктор Отто Штернхейм объединил вокруг себя еще одну многочисленную группу местных обитателей — профессиональных наемников. А к ним, как известно, любой истинный солдат обязан испытывать нескрываемое презрение. Не стал исключением и «Рифт-75», где, казалось

бы, о подобных разногласиях можно благополучно забыть. Но нет, легионеры Рошона все равно продолжали открыто ненавидеть наемников Штернхейма. И те, разумеется, платили им той же монетой.

Между тем Дикие Гуси были наименее «идейной» тюремной бандой. Или, правильнее сказать, совсем безыдейной. У них отсутствовали четкие цели и ритуалы, а вступить к ним в банду мог в принципе кто угодно, необязательно бывший наемник. Единственное условие, которое ставил перед новичком Штернхейм: беспрекословное подчинение ему и его приближенным. Только так наемники могли успешно противостоять хорошо организованным Синим Одеждам. И если кто-то из Гусей пытался это оспорить, его в лучшем случае изгоняли из банды. А в худшем его ожидала жестокая расправа, потому что больше Одежд Отто Штернхейм ненавидел лишь тех, кто осмеливался посягать на его авторитет.

С Факельщиками отношения у него и у Рошона были прохладные, но в открытую войну они выливались редко. Полковник видел в Абу Зейдане такого же солдата и понимал, что мог бы сам оказаться на его месте, постигни вдруг Францию участь Ирака. А Штернхейму на огнепоклонников с их заскоками было попросту начхать. Братство наемников присылало ему с воли

продукты, сигареты и даже выпивку — нелегально, разумеется, но при посредничестве ван Хейса, с чего тот имел хороший приработок, — и Диким Гусям жилось в тюрьме вольготнее всех. А у кого все есть, у того нет резона ни с кем враждовать. Гуси могли бы уживаться и с Синими Одеждами. Но легионеры со своими несгибаемыми принципами сами все время подначивали их на драку, из-за чего в итоге страдали и те, и другие.

Подравшись в первый раз с Факельщиками, Кальтер решил, что, наверное, будет неплохо примкнуть к Диким Гусям и заручиться их покровительством. Почему не к Синим Одеждам? Обрубок не был уверен, что Рошон примет к себе бывшего дезертира, и даже не хотел это проверять — не трогают, и ладно. Но прикинув на свежую голову все за и против, он понял, что, связавшись со Штернхеймом, тоже допустит фатальную ошибку. Жизнь одиночки была рискованнее, зато она позволяла Куприянову обдeldывать свои делишки, не отчитываясь ни перед кем и ни на кого не оглядываясь. Что у него вряд ли получится, стань он членом банды. Хуже того, там ему придется без пререканий выполнять приказы главаря и его подручных. А это может пойти вразрез с его собственными планами или же вовсе их перечеркнуть.

Держаться в тени и не вступать в чужие

разборки — вот единственно верная стратегия, которая позволит Кальтеру выжить в этом изолированном мирке с его животными законами. И если Кальтер выживет, он задержится здесь ровно до тех пор, пока у него не появится идея, как сбежать отсюда. Его ничуть не смущало то обстоятельство, что никто еще не предпринимал такой попытки. Все когда-то случается в первый раз. И хоть не всем при этом сопутствует удача, Куприянов был готов сыграть с ней в рулетку, поскольку в его случае дело того стоило...

Глава 4

Нападение на искателей не было неожиданным. Перед этим до них уже доносились странные звуки, которые нельзя было принять за обычные шумы. Те шумы, что возникают в помещениях с железными стенами, на которые давят снаружи тысячи тонн океанской воды. Здесь, на шести подводных уровнях «Рифта-75», действительно присутствовал кто-то еще. И искатели догадались об этом, едва лишь вошли в эти мрачные, гулкие лабиринты.

Вода была не только за стенами. Она плескалась и под ногами семерых эков, а в отдельных местах доходила им даже до промежности. Формально нижние этажи теперь

считались осушенными, но на деле это произошло не полностью. К тому же, вероятно, кое-где имела место разгерметизация обшивки, и уровни понемногу затапливало снова. Однако подняться выше дверных порогов вода не могла. Она просто перетекала в соседнее помещение, оттуда — дальше, до тех пор, пока не попадала в отсек с черным разломом. Который, очевидно, и служил той сливной горловиной, куда она утекала. Иная причина, способная заставить быстро исчезнуть так много воды из большого герметичного пространства, никому, включая Обрубка, на ум не приходила.

Если бы Кальтер, Скарабей, Отто Штернхейм и четыре его головореза не услышали подозрительные шумы, они все равно вооружились бы сразу, как только впусивший их сюда охранник запер за ними межуровневый люк. Обрубок был здесь единственным специалистом по черным разломам, но остальные члены команды смотрели в тюрьме теленовости и знали, что рядом с подобными аномалиями может твориться всякая чертовщина. И поскольку охрана не выдала искателям даже дубинок — «спасибо» начальнику Ковачу, чьих людей ван Хейс не допустил к этой работе, — им пришлось самим позаботиться о собственной безопасности.

Благо тут было из чего выбирать. Раскурочив

несколько стеллажей, зэки обзавелись похожими на томагавки полуметровыми железными кронштейнами. А также двухметровыми трубчатыми стойками, которые превратились в копья после того, как их концы были расплющены и смяты до придания им заостренной формы.

Однорукому Кальтеру орудовать копьем было несподручно, поэтому он вооружился лишь томагавком. И шел в середине группы вместе с Харви и Отто, двое головорезов которого двигались в авангарде и двое — в арьергарде. Все — с копьями наготове.

Оставлять без прикрытия тыл не следовало. Архитектура каждого уровня бывшей научной базы была слишком запутанной. Внимательно изучив очередной коридор или зал, искатели не могли получить гарантию, что враг не проберется туда иным маршрутом и не ударит потом им в спину. Даже если шумы и всплески издавала обычная рыба, проплывшая сюда через брешь в обшивке, как определить, безобидный это тунец или зубастая акула? Которая, угодив в замкнутое пространство, подвергнется сильному стрессу, после чего станет еще злее и опаснее.

Впрочем, интуиция подсказывала Кальтеру, что никакая это не акула. Куда подевалась вода, волновало его не так сильно, как те незваные гости, что могли выбраться сюда из черной кляксы. Он

вспоминал монстра из эпохи палеогена, что свирепствовал в Дубае больше года назад, и летающего демона-поджигателя в Скважинске. Обрубок слышал также о замеченных в Америке огромных муравьях, громадных пауках в пустыне Гоби, невероятно стремительных тварях под Киевом и инопланетной нечисти где-то в северных болотах России. И это — не считая «серых», которые тоже выскакивали из аномалий будто чертики из табакерок.

Кто только ни прорывался сквозь черные разломы во всех уголках мира. И хоть такое случалось не везде, подобные инциденты не являлись редкостью. Так что повод для оптимизма у Куприянова и его напарников был совсем небольшой. Разве что гости окажутся неагрессивными и не обратят на них внимания. Но и тут смотря как карта ляжет: сначала могут и проигнорировать, а потом проголодаются и нападут.

Чутье Кальтера не подвело. Семерка искателей брела по колено в воде по коридору, где горели всего две лампы — одна тусклая и одна мерцающая, — когда тыловой дозор забил тревогу. Обернувшись, Кальтер заметил, как сзади на них мчится невысокая стремительная волна. А гнало ее, как выяснилось, скользкое хвостатое существо, причем достаточно крупное — вместе с хвостом его

длина составляла пару метров.

Коридор был неширок, и люди не могли пропустить тварь, расступившись к стенам. Даже если она не думала нападать на них, а просто проплывала мимо, она в любом случае заденет их боками или хвостом. И либо собьет кого-то с ног, либо травмирует — слишком уж энергично она извивалась. Поэтому искатели выставили копья и, перегородив коридор, загалдели наперебой, дабы отпугнуть гадину и прогнать ее обратно.

Кальтер не привык вести разведку в столь шумной компании, но здесь соблюдать тишину не имело смысла. Семеро бредущих по воде людей волей-неволей баламутили ее, и их было слышно в любом уголке пустынного уровня. Один лишь этот шум мог отпугнуть любое неагрессивное существо, дав ему понять, что незачем плыть и проверять, кто тут шляется. Эти звуки могли привлечь лишь хищника, который был уверен в своих силах и собирался поохотиться.

Догадка о хищнике оказалась верной. Не сбавляя хода, тварь выпрыгнула из воды и бросилась прямо на копья искателей. «Что-то типа крокодила или гигантской игуаны», — решил Обрубок еще до того, как тварь пошла в атаку. И ошибся. Ее можно было спутать с крокодилем, но лишь во мраке, и когда она находилась в движении.

В действительности гадина больше

напоминала уродливого глубоководного угря, у которого отрасли кривые крокодильи лапы. Призрачно-бледная тупорылая морда с широченной пастью, усеянной кривыми зубами-иглами. Лишенные зрачков, выпуклые глаза-бельма. Отсутствие чешуи, вместо которой — бледная, склизкая кожа. В мерцающем свете коридорной лампы тварь казалась настолько омерзительной, что даже насмотревшийся на всяческих монстров Кальтер вздрогнул и отскочил назад. Что ни говори, а аллигаторы по сравнению с этим страшилищем выглядели просто очаровашками! Да и не стал бы аллигатор такого размера, даже разозленный, бросаться на тычущих в него копьями семерых орущих людей. Этот же зверь как будто напрочь был лишен инстинкта самосохранения. Или же он еще не сталкивался с человеком и потому не видел в нем серьезного противника.

Дикие Гуси заострили концы своих копий настолько, насколько смогли, но этого было недостаточно, чтобы вонзить их в тварь с одного удара. Оружие стоящего у нее на пути наемника Шимона пропоролло ей шкуру, но застряло в плоти. Вместо того чтобы нанизаться на копье, ходячая рыба резко навалилась на него и вырвала из рук копьеносца. А затем врезалась в Шимона и сбила его с ног.

Упавший в воду зэк и плюхнувшееся на него

сверху чудовище очутились среди искателей, и те не замедлили прийти товарищу на подмогу. Размахивать длинными копьями в такой толчее было невозможно, и все шестеро схватились за томагавки. Эти штуковины весили килограмма по полтора и оказались гораздо эффективнее копья, пускай и сами были не острее мотыги. Зато ими удалось легко дробить кости и вышибать глаза. Особенно такие огромные, как были у этой твари.

Не успела она опомниться, как ей на голову обрушился град тяжелых ударов. Некоторые из них угодили ей в пасть, отчего там вмиг поубавилось зубов. Но большинство томагавков молотили гадине по верхушке черепа и по глазам. Если раньше можно было лишь гадать, зрячее это существо или нет, то теперь оно точно ослепло. И не только. Из какой бы временной эпохи или параллельной вселенной оно сюда ни вывалилось, в том мире кости у рептилий были столь же хрупкими, как и в нашем. Кальтер прикинул, что монстр был мертв уже после пятого или шестого удара. Потому что в противном случае он взялся бы метаться и отбиваться от людей, отчего попасть ему томагавком по черепу стало бы сложнее. Тем не менее все удары — а было их как минимум полсотни — угодили точно в цель. И гадина практически лишилась головы, которая в разможенном виде показалась Обрубку даже

симпатичнее, чем до этого.

Кровь твари походила на кровь обычных рептилий: густая, склизкая и полупрозрачная. Трогать дохлого уroda руками Дикие Гуси не рискнули и, подобрав копыя, спихнули его с придавленного им Шимона. Тот еще не нахлебался воды, но тварь прокусила ему предплечье, и он, вынырнув, сразу же заорал от боли.

Приятели ухватили его под руки и усадили на валявшийся неподалеку стул. Кости руки Шимона были целы, но зубы гадины проделали в ней столько дырок, что повредили и мягкие ткани, и связки, и вены с артериями. Без срочного вмешательства хирурга пострадавший мог вскорости истечь кровью. Поэтому его требовалось немедленно вытаскивать вверх и отправлять в лазарет.

Но до эвакуации раненого дело так и не дошло. Едва зэк по кличке Гонзо сорвал с себя майку, чтобы перевязать собрата, как с тем стало твориться нечто странное. Внезапно его заколотила дрожь и начал душить зверский кашель. На коже Шимона выступили серые пятна, глаза налились кровью, а из пор засочился мутный, как сукровица, пот. Содрогаясь от озноба и кашля и брызжа кровавой слюной, бедолага упал со стула в воду и забился в корчах.

— Эй, что за дерьмо?! Ты чего? —

воскликнул Гонзо и склонился над Шимоном, собираясь поднять его из воды, чтобы он не захлебнулся.

Однако Кальтер живо смекнул, чем может обернуться для Гонзо желание не оставить товарища в беде.

— Все назад! — скомандовал он. — Как можно дальше! Не вздумайте прикасаться к нему! Это токсин! Очень сильный! Такой может передаваться даже по воздуху!

Дважды предупредить не пришлось. Эта публика была не настолько благородной, чтобы идти на подобное самопожертвование. Наемники шустро разбежались в стороны, бросив Шимона, который уже себя не контролировал и лишь беспомощно барахтался в воде. А Монгол и Хоробато вдобавок выставили перед собой копья, опасаясь, что заразный товарищ, обезумев, вскочит на ноги и набросится на них.

— Как думаешь, брат, это смертельно? — испуганно осведомился Скарабей у Обрубка.

Кальтер не ответил, да это и не потребовалось. Конвульсии пострадавшего усилились. Он скрючился в немыслимой позе, а его голова стала мотаться из стороны в сторону и биться о стену. Шимон издал душераздирающий хрип, изо рта у него вырвался целый фонтан крови... и все прекратилось. Тело наемника обмякло и он,

бултыхнув конечностями по воде в последний раз, перестал подавать признаки жизни. Цвет его лица, шеи и кистей рук сделался таким же бледно-серым («Тухло-яичным», — скажет о нем чуть позже Харви Багнер), как шкура мертвой твари, которая плавала кверху брюхом неподалеку.

— Мертв, — заключил Отто, потыкав копьём в труп. — Кажется, Обрубок прав насчет токсина. Вы только гляньте, как быстро Шимон испустил дух! Сгнил заживо всего за минуту! Вот дерьмо собачье!

— По мне, лучше бы оно и впрямь было собачьим! — удрученно проворчал Харви, глядя на поверженного монстра. — Собачье дерьмо нас хотя бы не убило. А для этого ползучего дерьма я даже подходящего названия не могу придумать. Да это же натуральная, мать ее, древнегреческая мифология: гидра, ехидна, химера, или эта, как ее... чей укус был охрененно ядовит?

Возможно, кто-то из присутствующих и знал ответ на этот вопрос, но в данный момент всем было не до античных мифов. Гонзо, Монгол и Хоробато, не стовариваясь, отложили оружие и принялись тщательно отмывать руки, которыми они вытаскивали Шимона из воды. Впрочем, если бы токсин был действительно мощным, он уже заразил бы всех присутствующих, поскольку из убитой твари и из мертвого наемника в воду вытекло

немало крови.

Примерно минуту зэки переводили дух и прислушивались к собственным ощущениям. А также к тому, не плывет ли на подмогудохлому монстру его брат. Вроде бы с его гибелью подозрительные шумы затихли, но радоваться никто не спешил. Искателям предстоял еще долгий путь, и они резонно опасались, что на нижних этажах тварей окажется больше. В конце концов, не выявив у себя болезненных симптомов, все обратили взоры на Кальтера. Что было немного странно, поскольку это Скарабей, а не он вел всю их компанию к черному разлому.

— Ты этого ожидал, Обрубок? — поинтересовался Штернхейм у однорукого «консультанта».

— Нет, не этого, — помотал головой Куприянов, — но чего-то в таком духе. Правда, раньше, когда я приближался к черным кляксам, у меня была при себе пушка и две руки... в смысле, одна рука и протез. Что, однако, тоже не всегда мне помогало.

— Кстати, насчет оружия, — оживился Багнер. И, подойдя к лампе, взялся листать блокнот, где у него были нарисованы от руки карты всех подводных уровней. — Секретный арсенал мы тут вряд ли отыщем, но вот слесарную мастерскую — запросто. Она находится... находится... — Он

перевернул еще несколько страниц. — Ага, вот она — аккурат под лестницей, что ведет на четвертый уровень. Даже никуда сворачивать не нужно — это нам по пути.

— Ну спасибо тебе за идею, умник, — усмехнулся главарь Диких Гусей. — Только, если ты еще не заметил, у каждого из нас уже хватает железяк. Что изменится, когда мы заменим их на другие? Или, по-твоему, в той мастерской осталось что-то еще, кроме ржавых молотков, ломов и монтировок?

— Ничего не изменится, — как ни в чем не бывало пожал плечами Харви. — Все, на что я рассчитываю, это найти там кое-какие инструменты. Такие, которыми можно заточить хотя бы то железо, которое мы раздобыли. Сами видите, проку от этих труб сейчас не больше, чем от швабр и сачков для чистки бассейнов.

— Дельная мысль, — поддержал его Кальтер. — Окажись копьё Шимона по-настоящему острым, возможно, он был бы еще жив. Но ему теперь все равно, а вот мы можем постараться не повторить его ошибку.

— Мы не повторим его ошибку, если вернемся обратно и вертухай накрепко запрет за нами двери... — Отто раздосадованно сплюнул. — Вопрос лишь в том, как сделать, чтобы эти двери нам сначала открыли. Пока мы не принесем

доказательства того, что нам удалось побывать у черной кляксы, черта с два нас отсюда выпустят. Так что давайте-ка, умники, хватайте свои железяки и шагом марш к той мастерской, про которую говорили! И поменьше топчитесь на месте, если не хотите, чтобы вас кололи в задницы копьями...

Глава 5

На сей раз искатели быстро разрешили возникшее разногласие и отправились дальше, на поиски мастерской. А час назад в их компании бушевали куда более жаркие страсти. В чем был виноват, разумеется, Скарабей, у которого, как выяснилось, слово могло иногда разойтись с делом...

Обрубка привели из изолятора ко входу на нижние этажи последним. Когда все прочие участники экспедиции уже дожидались его по ту сторону массивного люка — одного из тех, что отрезали надводную часть тюрьмы от подводной. Втолкнув Кальтера на шестой уровень — самый верхний из подводных, — вертухаи снова заперли люк. И отныне не собирались отпирать его до тех пор, пока разведывательная команда ван Хейса не сделает порученную ей работу. То есть в последующие десять-двенадцать часов искателям можно было даже не пытаться стучаться и

проситься обратно. А если они не добудут необходимые материалы, то им, скорее всего, продлят «командировку». Только уже без выплаты командировочных — дополнительных сухпайков, положенных зэкам за сверхурочную работу. И пожаловаться на это им будет некому. Разве что проплывающим снаружи акулам и медузам...

Кстати, о команде. Ее состав и был тем обманом, на который пошел Харви Багнер, когда подписывал Куприянова на это дело. Очутившись на месте и увидев, кто его встречает, тот поначалу решил, что никакая это не экспедиция и что его просто-напросто загнали в ловушку. Четверо Диких Гусей и с ними Отто Штернхейм собственной персоной! И это — после заверения Скарабея в том, что он отберет на дело надежных ребят из своих, а не членов банд! Немудрено, что после такого сюрприза Обрубок не усомнился в том, что видит перед собой вовсе не исследовательскую команду, а похоронную. Ту, которой было поручено убить Кальтера и спрятать его труп в глубине этих лабиринтов.

Вот только сначала было бы нелишне прояснить два вопроса: зачем убийцам понадобилось уводить жертву так далеко и почему в мокрухе участвует сам главарь Диких Гусей? Возможно, кого-то другого перед смертью такие детали уже не волновали бы, но педантичный

Кальтер хотел бы расставить все точки над *i*. Для успокоения совести, так сказать.

У наемников в руках уже были копья и томагавки, а у Кальтера — только пакет с сухпайком. Однако Дикие Гуси сделали вид, будто ничего коварного не замышляют. Все ясно: зачем убивать Обрубка здесь и тащить потом его тело на руках, когда он может сам дотопать до места своего упокоения. Только было бы неплохо сначала посадить его на цепь. Не хватало еще, чтобы он сбежал и Гусям пришлось гоняться за ним по полутемным коридорам и лабораториям...

Только ни цепи с ошейником, ни веревки, ни даже обрывка кабеля практичные наемники почему-то не припасли. И это было очень на них не похоже.

— В чем дело? — поинтересовался Кальтер у Багнера, указав глазами на Гусей. — Это не те люди, о которых ты рассказывал мне в изоляторе.

— Ничего не попишешь, брат: иногда планы меняются, — развел руками Харви. — Но я здесь ни при чем. Все претензии — к ван Хейсу. Из тех классных идей, что я ему предлагал насчет этой работенки, он отверг почти все. Даже дубинки побоялся нам выдать, можешь себе представить?

— Эй, я вижу, ты чем-то недоволен, Обрубок? — возмутился Гонзо, заметив, как нахмурилось лицо его босса. Шимон, Монгол и

Хоробато тоже напряглись и уставились на калеку с откровенной неприязнью.

— В последний год я редко чем бываю доволен, — спокойным тоном ответил Куприянов. Даже если конфликта не избежать, провоцировать наемников на драку еще рановато. — Но поскольку вы, ребята, в моих проблемах не виноваты, то никаких обид у меня на вас нет. Просто хотел узнать, чем были вызваны внезапные изменения в планах, только и всего.

— А тебе не все ли равно, однурукий? — подал голос Штернхейм. — Я бы на твоём месте радовался тому, что меня досрочно выпустили из изолятора и дали погулять денек в хорошей компании без надзора вертухаев.

— Мне не все равно, — признался Кальтер. — Ван Хейс настоял на моем участии с пока неясной мне целью. Но я не сомневаюсь, что он использует меня в качестве разменной монеты. Не знаю, что Скарабей наплел тебе, но мне он про увеселительную прогулку и словом не обмолвился. Как раз наоборот, если среди вас присутствую я, значит, будьте уверены: все настолько дерьмово, насколько вы себе даже вообразить не можете... Я прав, Харви? Ты же уведомил герра Штернхейма о том, какой ад всем нам здесь уготован?..

Разумеется, Куприянов врал. Но врал не более того, чем соврал ему Багнер. Безотказный способ

избежать конфронтации с сильным противником: дать ему понять, что на самом деле вы — не враги, а жертвы чьего-то обмана. Причем обманщик, на которого перевел стрелки Куприянов, тоже находился здесь. Более того — Харви действительно являлся обманщиком! Поэтому можно сказать, что Обрубок не лгал, а честно оплачивал лжецу той же монетой.

Вторая причина, почему Кальтер соврал, — он хотел выведать, зачем явились сюда Дикие Гуси: по его душу или для поиска черной кляксы. Если причина в Кальтере, то знающий настоящую цель экспедиции Штернхейм пропустит его болтовню мимо ушей. Или совет что-нибудь в ответ. Но если они с Отто и впрямь оказались союзниками, то он отнесется к заявлению Обрубка со всей серьезностью. Потому что тогда оно должно было стать для наемников неприятным сюрпризом.

В точку!

Выслушав Куприянова, и без того хмурые Гуси посуровели еще больше и перевели вопросительные взоры на Багнера. А Харви только сейчас понял, что его подставили, да было поздно. Теперь Отто ждал от него оправданий, и лучше бы Скарабею было его не разочаровывать.

— Что ты несешь, брат?! Я не говорил тебе, что нас посылают в полную задницу! — воскликнул Харви, отступив на всякий случай от Штернхейма

на пару шагов. — С чего ты вообще это взял?

— Похоже, что ты вконец заврался, парень, — покачал головой Кальтер. — Но раз уж мы здесь собрались и путь назад нам отрезан, давай, выкладывай этим ребятам правду! Всю, которая тебе известна! Или хочешь, чтобы я сам пересказал им наш разговор во всех подробностях?

Скарабей был растерян, но намек понял: то, что расскажет Диким Гусям Куприянов, окажется не правдой, а еще большей ложью. Такой, опровергать которую будет гораздо труднее. И у него не оставалось иного выбора, кроме как подчиниться Обрубку, черт бы побрал этого коварного русского калеку!

— О'кей, о'кей, я все вам расскажу, — поспешил согласиться с предъявленным ему ультиматумом Багнер. — Да я и не собирался от вас ничего скрывать, клянусь! Просто ждал, когда вы все здесь соберетесь, чтобы не пересказывать одно и то же дважды!.. Короче, расклад такой. Аномалия, которую мы ищем, появилась на нижнем уровне вовсе не позавчера. На самом деле ей уже больше года. Только почти все это время она была мертвой, а два дня назад опять ожила... В смысле ван Хейс так подумал, когда с затопленных этажей вдруг испарилась вся вода... В смысле она не испарилась, а уткнула в аномалию, как считает директор.

— Больше года?! Какого черта! — возмутился

Отто, для которого эти сведения оказались в новинку. — Ты хочешь сказать, эта дырка появилась в те дни, когда здесь, на нижних уровнях, прятался Клешня со своей шайкой?

— Совершенно верно, — подтвердил Харви. — Как раз тогда это чудо и случилось. Возможно, оно и убило Клешню, а вовсе не вода, как потом утверждали ван Хейс и Ковач...

Кальтеру доводилось слышать о зэке по кличке Клешня. После переоборудования «Рифта-75» в тюрьму его нижние уровни стали необитаемы и изолированы от верхних. В целях безопасности — а вдруг какому-нибудь зэку удастся пробить обшивку или шлюз и, затопив их, погубить всех, кто там окажется? Наведываться туда имела право лишь охрана. Хотя и ей по большому счету нечего было там делать. Эти шесть этажей так и стояли заброшенными, пока однажды Клешне и еще трем зэкам не удалось пробраться в те лабиринты и спрятаться там. Причем настолько хорошо спрятаться, что устроивший на них облаву Ковач так и не смог обнаружить беглецов.

Где скрывались от него Клешня со товарищи, так и осталось тайной за семью печатями. Они надеялись, что найдут внизу аквалангистское снаряжение, но ничего подобного там, естественно, давно уже не было. Тогда, питаясь захваченными с собой продуктами, беглецы соорудили из

подручных материалов небольшой водолазный колокол. Который они решили вытащить наружу через шлюз для батискафов и всплыть с помощью этого устройства на поверхность. После чего банда Клешни могла бы добраться до атолла и уже на берегу решить, как ей быть дальше...

Но до берега она не добралась. И до поверхности океана — тоже. Финал их безрассудной авантюры был предсказуем. Не сумев открыть намертво закупоренный шлюз, беглецы решили его пробить. И в итоге все до единого утонули, когда через него потоком хлынула вода. Вот тогда ван Хейс и распорядился затопить все до единого подводные уровни. Чтобы было неповадно тем экам, которые могли дерзнуть пойти по стопам Клешни.

Такая, в общем, история ходила по «Рифту-75», когда туда прибыл Кальтер. И вдруг он выясняет от Скарабея, что в действительности все происходило не так, а гораздо драматичнее...

— ... Все было гораздо проще: Клешня и его люди не утонули, а их утопили, — признался Багнер. — Ковачу просто-напросто надоело их искать. И тогда он уговорил ван Хейса открыть все заслонки, чтобы залить нижнюю часть тюрьмы водой до уровня океана. Что они вскоре и сделали. И где бы этот идиот Клешня ни прятался, там ему и пришел конец.

— Туда ему и дорога, «синему пододеяльнику»! — злорадно усмехнулся Гонзо и презрительно сплюнул. Босс покосился на него, но промолчал.

— Но тут неожиданно выяснилось еще кое-что, — продолжал Харви. — Когда отключили помпы, уровень воды в затопленном пространстве вдруг стал падать. Причем очень быстро. А поскольку вытекать наружу вода не могла в принципе, все были неслабо этим озадачены. Дождались, значит, когда вода уйдет, и пошли расследовать загадку. Это были сам Ковач, двое его помощников — Аньелло и Дженкинс, — а также я. Меня взяли, чтобы тащить инструменты, которые могли нам понадобиться. Сначала предполагалось, что барахлит одна из помп, которая загнутила и не отключилась, а сигнал о ее поломке по какой-то причине не дошел до пульта. Ковач не собирался ее чинить — хотел просто обесточить ее на месте. А если выключатель не сработает — тогда перерубить кабель, и все. Но, как вы уже поняли, все помпы оказались в порядке. Зато мы отыскали на нижнем уровне кое-что поинтереснее: черную кляксу! Точь-в-точь такую, как те, что уже натворили бед по всему миру...

— Погоди-ка, — перебил рассказчика Кальтер. — А разве вы не должны были догадаться об этом раньше? Ведь вокруг аномалий всегда

пропадает беспроводная связь.

— Она и пропала, — подтвердил Багнер. — Не только на «Рифте», но и на всем Татакото. Но информацию об этом всегда засекречивают, чтобы не провоцировать зэков на бунт. Представь, как осмелеют Факельщики, если узнают, что в случае беспорядков охрана не сумеет вызвать с Таити подмогу. Впрочем, тогда мы не удивились отсутствию связи. Здесь, на самом краю архипелага, частые проблемы с ней — обычное дело... Так вот, короче, шли мы, шли и нашли ту кляксу. Могу даже показать, где... — Харви опять начал листать свой блокнот и, найдя нужную страницу, продемонстрировал ее слушателям. — Вот здесь, видите?

Куприянову схема той части донного уровня ни о чем не говорила. Но его фотографическая память все равно запечатлела рисунок во всех подробностях, со всеми подписями и указаниями. На всякий случай. Стратегическая информация, она никогда не бывает лишней, а особенно в тюрьме.

— Это центральный зал батискафной станции, — пояснил Скарабей, хотя Обрубок уже прочел на карте название помещения, в центре которого была нарисована черная кляксочка. — Вот туда мы с вами в первую очередь и отправимся. Если, конечно, у вас, ребята, нет других, неизвестных мне и ван Хейсу планов...

Глава 6

...Даже если у Диких Гусей и впрямь зрели в головах какие-то коварные планы, они предпочли о них не распространяться.

— Расскажи о пакалях, — потребовал Кальтер. — Вряд ли Ковач был не в курсе, что это такое, — год назад о пакалях знал уже весь мир. И сколько за них платят на черном рынке, Ковач тоже наверняка имел представление. Сомневаюсь, что он ушел бы от аномалии, не обыскав батискафную станцию и все нижние этажи.

— Вот к этому я и веду, — закивал Харви. — Ты угадал, брат: так все и было. Мы вчетвером проторчали там с утра до поздней ночи, пока не перерыли все, что только можно. Будь у нас металлоискатель, мы, конечно, управились бы гораздо быстрее. Но и без него улов оказался очень богатым: целых шесть пакалей, можешь себе представить!

— Вранье! — заявил Штернхейм. — Кому ты тут вешаешь лапшу на уши, мозгляк! Может, я и не держал в руках эти твои пакали, но новости гляжу регулярно. И знаю, что больше четырех пакалей в одной аномальной зоне еще никто не находил!

— Отто прав, — поддержал главаря Гусей Кальтер. — Ты вроде бы не похож на рыбака, а

привирать все равно любишь.

— Клянусь, ни на йоту не приврал! — оскорбился Багнер. — Да и зачем мне это, скажите на милость? Прежде чем меня обвинять, вы сначала дослушайте, потому что дальше — самое интересное... В общем, сначала мы отыскивали четыре пакаля — три белых и черный. Все лежали на виду, но чтобы их найти, пришлось облазить три уровня. Ковач обрадовался. Говорит, что четыре — это удача, поскольку обычно их меньше находят. Еще говорит, что когда их ищут, вокруг мистика творится или иное дерьмо, а мы весь день у разлома проторчали и ничего подобного не видели... И только он это произнес, тут же внизу под нами что-то ка-а-ак громыхнет, аж весь «Рифт» снизу доверху ходуном заходил.

— Землетрясения в этих краях не редкость, — отмахнулся Штернхейм. — У нас под боком океанический разлом, и Татакото на моей памяти как минимум раз шесть уже трясло.

— Тогда мы сперва тоже так подумали, — кивнул Скарабей. — Дескать, вот, блин, опять землетрясение или, может, того хуже — цунами... Однако все мы отчетливо слышали, что источник грохота был внутри станции, а не снаружи. Ковач говорит: «Хочешь не хочешь, надо пойти проверить. Вдруг там что-то серьезное: несущая опора сломалась или обшивка лопнула...». Опять

мы спустились к черному разлому и, угадайте, что видим... Или, вернее, кого?

— Угадай, сколько у тебя останется во рту зубов, директорский подпевала, если ты не прекратишь испытывать мое терпение! — прорычал не расположенный к играм Отто.

— Прошу прощения, герр Штернхейм! Что-то я и правда чересчур увлекся, — примирительно улыбнулся ему Харви. — Все-все, больше не буду!.. А нашли мы тогда возле черной кляксы вот его, Обрубка...

И он, продолжая виновато улыбаться, указал на Кальтера.

— Меня?! Ты это серьезно? — слегка оторопел Куприянов. Однако в голове у него сразу что-то щелкнуло, и некоторые странные подробности его недавнего прошлого стали выглядеть более понятными. — Но мне сказали, что я был доставлен сюда с Таити на вертолете в бессознательном состоянии!

— Знаешь, я бы и хотел снова пошутить, да очень уж мне мои зубы дороги. — Багнер с наигранным сожалением вздохнул и покосился на Гусей. — Не знаю ни про какое Таити. Да, брат, тебе не слышалось — это был ты. Но я, кажется, сказал, что ты лежал возле кляксы? Извини, оговорился. Ты лежал на том месте, где до этого находилась клякса. А сама она исчезла, словно ее

там и не было.

— Такое и правда возможно? — усомнился Отто, вперив в Куприянова суровый, испытующий взор.

— Не исключено, — уклончиво ответил тот. — Если Харви вспомнит, во что я был тогда одет, значит, точно не врет.

— Да запросто! — разулыбался Скарабей. — Ну и выглядел ты, брат, я тебе скажу! Сначала мы думали, что к нам какого-то водолаза занесло. Но потом пригляделись и видим: э-э, нет — скафандр на тебе явно не водолазный. В таких скафандрах только астронавты в открытый космос выходят, вон и на нашивках звезды да ракеты изображены. И еще надписи разные. Не на русском, между прочим, а на английском. Так что, хотите верьте, герр Штернхейм, хотите нет, но наш Обрубок — не русский шпион, а самый настоящий американский космонавт!

— Багнер не врет, — заключил Обрубок. — Но кое в чем ошибается: я не космонавт. Слишком долго объяснять, что к чему, поэтому расскажу вкратце. Я нашел скафандр в обломках космической станции, что упала летом прошлого года на русский город Скважинск. А понадобилась мне эта штука затем, чтобы нырнуть под воду. Так уж получилось, что у меня не было под рукой акваланга, а мне срочно требовалось доставить

бомбу на дно затопленной шахты. Где, как назло, оказалась эта чертова клякса, в которую я провалился. Могу предположить, что грохот, который слышали вы с Ковачем, был отголоском того взрыва, что я произвел в Скважинске. Бомба рванула, но я уже провалился через аномальный портал на «Рифт» и потому уцелел... Согласен, все это нелепо звучит, но что я еще могу вам сказать — такая у меня была в то время работа.

— Мне доводилось слышать и более идиотские истории, которые на поверку оказывались правдой, — отмахнулся Штернхейм, видимо, довольный тем, что наконец-то Обрубок и Скарабей, как говорят полицейские, сошлись в показаниях. — Итак, мозгляк, значит, ты и Ковач нашли на месте кляксы Обрубка в космическом скафандре. Что дальше?

— Полагаю, они нашли не только меня и скафандр, но и два пакаля, что были со мной, когда я спустился в шахту и вляпался в аномалию, — ответил вместо Багнера Куприянов. — Белый и красный. Вот почему у Ковача оказалось в полтора раза больше артефактов, чем могло быть изначально.

— Правильно, Обрубок, — согласился Харви. — Были при тебе эти железки. Даже картинки на них помню: странный хлыст на красном пакале и рука в рыцарской перчатке с

кинжалом на белом. Так или наоборот?

— В точности так. — Настроение Куприянова слегка приподнялось. Теперь Багнер говорил правду, и Дикие Гуси тоже слушали его с неподдельным интересом. Из чего следовало, что этот прохиндей и наемники все-таки не заодно.

— Шесть пакалей на четверых, — заметил Гонзо. — Неплохой улов, если они и правда так дорого стоят, как толкуют о них в новостях.

— Шесть пакалей на троих, — поправил его Скарабей. — Ты думаешь, громила, мне хоть одна из тех находок перепала? Ага, так эти скоты и взяли меня в долю! Когда они начали делить свою добычу прямо там, не сходя с места, я подумал, что вот сейчас они меня и грохнут. Как ненужного свидетеля — Ковач ведь не собирался ван Хейсу о пакалях докладывать. Только о кляксе — дескать, она появилась, слила с нижних уровней воду, исторгла из себя какого-то придурка в космическом скафандре — извини, Обрубок, — и исчезла. А что пакали? Не было пакалей! Или, может, были, но их тут же водой обратно в аномалию смыло.

— Странно, почему вертухаи тебя все-таки не грохнули, — удивился Отто. — Я бы на их месте так бы и сделал, будь уверен.

— Наверное, потому что это выглядело бы чересчур подозрительно, — ответил Багнер, нервозно поежившись. Последнее заверение

главаря Гусей ему не понравилось, пусть даже оно было чисто гипотетическим. — Ван Хейс тоже не дурак и знает, на что способен Ковач. Для него убить зэка — что мне мышшь растоптать. А вот если он, по мнению директора, не устранил вероятного свидетеля, который видел, что они с дружкойми прикарманили пакали, значит, скорее всего, пакалей и впрямь не было.

— То есть Ковач тебя просто запугал, и все?

— Запугал, естественно, и еще как запугал! Хотя и поблажек всяких тоже наобещал. Правда, большинства из них я так и не дождался, но и за те, которых дождался, спасибо ему, кровососу. Мне раньше Факельщики крепко досаждали, похлеще, чем тебе, Обрубок. Но после того нашего договора с Ковачем они на меня даже смотреть перестали. Я, в свою очередь, тоже слово сдержал и не сдал Ковача, Дженкинса и Аньелло директору. Что, впрочем, и так понятно. Ведь сдай я их, мой изуродованный труп уже уплыл бы по течению куда-нибудь в сторону Австралии.

— Что потом стало с теми пакалями, ты знаешь? — спросил Кальтер.

— Нет, брат, понятия не имею, — развел руками Скарабей. — Все зависит от того, насколько срочно Ковачу и его подельникам были нужны деньги. Если срочно, то все их трофеи, уверен, давно распроданы. Если же нет, то они приберегли

свое богатство до лучших времен, поскольку цены на пакали не падают, а с каждым месяцем только растут.

Куприянов испытал огорчение, хотя виду, разумеется, не подал. Те два артефакта стали бы идеальным ключом к бегству с атолла. Соединив их вместе, можно было телепортироваться к третьему пакалю — маяку, — где бы он ни находился. Кальтера не испугала бы высокая вероятность того, что тот маяк мог очутиться в смертельно опасном месте. В данной ситуации риск того стоил бы... Увы, но Ковач со товарищи вряд ли хранили пакали на Татакото. Наверняка их добыча была давным-давно переправлена в гораздо более надежное место. Или, как сказал Багнер, уже продана на черном рынке... Хотя в последнем случае возникал вопрос, почему Ковач все еще здесь работает. С такими деньжищами ему не было бы нужды торчать на задворках мира, охраняя кодлу отборных мерзавцев.

— Черт с ними, с пакалями. А как насчет него? — Штернхейм указал на задумавшегося Обрубка. — Почему его-то здесь оставили как преступника, осужденного в какой-то стране, а не отправили, куда положено, как жертву трагических обстоятельств?

— Этого я сказать не могу, — ответил Харви. — Но похоже на то, что пока Обрубок

валялся без сознания и ван Хейс пробивал по базам данных его личность, на него прислали всю нужную «сопроводилровку». А иначе никак. Очень мутное дельце, согласен. Сдается мне, те ублюдки, по чьему приказу Обрубок прыгал с бомбами в аномалии, затаили на него нехилую обиду. Чем ты им так крепко насолил, брат, если не секрет?

— Видимо, тем, что просто хотел уйти наконец-то в отставку, а не прыгать по миру в охапку с бомбами... — Кальтер почти не сомневался, что эту подлянку устроили ему «серые», но все равно спросил: — В радиопередаче обо мне, которую вам крутили перед моим появлением, говорилось, по приговору какого суда я отправлен на «Рифт»?

— Как всегда, никакой конкретики. Ты — дезертировавший шпион, а таких обычно судят закрытые трибуналы, — пожал плечами Багнер. — Слушай, брат, раз мы с тобой снова друзья, может, извинимся перед герром Штернхеймом за эту задержку и пойдем, что ли, поработаем? Разговоры — это, конечно, здорово, я тоже люблю поболтать. Только вот одной болтовней мы дело с места не сдвинем, сам понимаешь.

— Постой, мозгляк, не торопись! — попросил Отто, поднимаясь с ящика, на котором все это время сидел. — Никуда твоя работа от нас не убежит. Ты наговорил нам так много интересного, а

о самом главном даже не заикнулся. А ведь прежде чем идти собирать пакали, мне очень хотелось бы знать, для кого мы их собираем.

— Ну... это же вроде бы очевидно... — Глаза Скарабея растерянно забегали. — Даже странно, что вы спрашиваете. Если ван Хейс запретил охране сюда спускаться, а послал сюда нас, значит, в прошлый раз он не до конца поверил Ковачу. И теперь директор желает лично удостовериться, что Ковач ему тогда не соврал. Нам-то обманывать ван Хейса нет резона. Тем более что никакого обмана и не будет. Шансы, что мы найдем у старого разлома новые пакали, практически нулевые, ведь раньше такого никогда не случалось. И вам, джентльмены, кстати, нет резона ссориться с охраной, передавая директору то, что я сейчас рассказал о Коваче. Все, о чем мы здесь болтали, останется только и исключительно между нами, верно?

Гусиный главарь не ответил, а лишь презрительно хмыкнул. Но все-таки не прогневался на Скарабея за его робкую попытку шантажа. Хоть Дикие Гуси были у директора на привилегированном счету, их покровитель сидел далеко от них, в администраторском корпусе — цитадели, прозванной зэками Поднебесьем. А ребята Ковача — вот они, всегда рядом! И всегда готовы осложнить зэкам их и без того дерьмовую жизнь. И если до Ковача дойдет, что Отто слил ван

Хейсу вытрясенную из Багнера информацию, директор Штернхейму уже мало чем поможет. Хитрый мозгляк знал, что делал. Да, он рисковал, выбалтывая ему опасные секреты. Но Штернхейм рискнул бы куда больше, надумай он поделиться теми секретами с начальником тюрьмы.

— Хорошо, спрошу иначе, — решил зайти с другого фланга Отто. — Ты сам на кого сейчас работаешь? Или хочешь сказать, что когда ван Хейс запретил охране сюда соваться, Ковач не подкатил к тебе и не намекнул, кому ты должен передать новые пакали, если такие найдутся? И что тебя ждет, если ты передашь их не в те руки?

— Верно говорите: и подкатил, и намекнул, — не стал отпираться Харви. — И если клякса правда выплюнула другие артефакты, боюсь, я окажусь в очень сложной ситуации. Вы не заинтересованы в том, чтобы пакали оказались у Ковача, а мне чертовски невыгодно, чтобы они достались ван Хейсу. У меня нет выбора, однако у вас, джентльмены, он есть. Если вы скажете ван Хейсу, что ничего не нашли, он вам поверит. Я понимаю, что просить вас оказать мне столь большую услугу, не предложив ничего взамен, будет крайне неразумно. Вот только, видите ли, в чем трудность: у меня нет ничего ценного, что могло бы вас заинтересовать.

— Действительно, трагедия! Прямо и не знаю,

в силах ли мы вообще тебе помочь, — наигранно посочувствовал ему Отто под злорадные смешки приятелей. — За бесплатно я могу разве что попросить Гонзо свернуть тебе шею. Соглашайся: это лучший вариант, чем экзекуция, которую устроит тебе ван Хейс, когда поймет, как вы с Ковачем год назад его облапошили. Или нет, пожалуй, Ковач казнит тебя раньше, если узнает, что ты не помешал нам отдать артефакты директору... В чем дело? Ты хочешь мне что-то возразить?

Скарабей стоял, вежливо склонив голову и подняв вверх ладонь, давая понять, что он хотел бы договорить.

— Я имел в виду, джентльмены, что у меня *сейчас* нет при себе ничего ценного, — уточнил Багнер, дождавшись, когда смех прекратится. — Однако если у нас окажутся пакали, я смогу предложить вам такое, чего вам не предложит никто, включая самого ван Хейса.

Дикие Гуси удивленно переглянулись. Багнер не был дураком. Он прибыл на «Рифт-75» еще с первой партией зэков и как никто другой знал местные традиции. И, в частности, ту из них, что запрещала зэку давать обещание, которое он не сможет выполнить. А тем паче столь громкое обещание, которое Харви только что озвучил. Причем озвучил не перед какой-то мелкой

шушерой, а перед самим Штернхеймом.

— Я не подозревал, что ты такое храброе насекомое, Скарабей, — признал Отто, покачав головой. — А не боишься ответить за свои слова прямо здесь и сейчас, если твое предложение вдруг покажется нам полной туфтой?

— Не боюсь! — И так загнанный между Сциллой и Харибдой, сиречь между Ковачем и ван Хейсом, Багнер, похоже, вконец ополоумел, раз бросал вызов третьему чудовищу. — Ван Хейс даст вам все что угодно, кроме одного — свободы. Ну а мне, наоборот, кроме свободы, больше нечего вам предложить. И если вы не отдадите пакали администрации, а оставите их себе, вы выиграете от этого несравнимо больше, чем даже я.

Кальтер насторожился. Либо Скарабей отчаянно блефовал, пытаясь правдами и неправдами не дать пакалям очутиться на столе у директора, либо он действительно знал кое-что об их свойствах. Но опять-таки блефовал, потому что предсказать эффект от взаимодействия незнакомых пакалей было невозможно в принципе. Те артефакты, с которыми Куприянову доводилось иметь дело, при определенном сочетании могли телепортировать его к третьему пакалю-маяку на расстояние, достаточное для того, чтобы убраться за пределы тюрьмы. Однако не факт, что это качество было присуще всем без исключения

пакалям. Кальтер видел как минимум два артефакта, которые никого никуда не телепортировали, а проделывали другие чудеса. И если вместо бегства из тюрьмы Дикие Гуси вдруг разнесут ее в клочья выбросом аномальной энергии, вряд ли это будет та свобода, которой им захочется наслаждаться.

— Свобода? — переспросил Штернхейм. — В обмен на пакали? И кто же нам ее дарует?

— Возможно, он! — Багнер похлопал Обрубка по плечу. — Поверьте, этот мужик в таких вопросах кое-что смыслит. Когда мы нашли его здесь год назад бесчувственным, в каждой его руке был зажат пакаль. Что ты с ними делал, Обрубок, перед тем как сверзился в аномалию? Наверное, хотел каким-то образом себя защитить? Или ты стрелял в кляксу аномальной энергией, чтобы уничтожить ее? Только не отпирайся, брат, делая вид, что не понимаешь, о чем я толкую! Ясно ведь, что понимаешь, — по глазам вижу!..

На самом деле он безбожно лукавил. Все происходило с точностью до наоборот. Не Харви читал в холодном взгляде Кальтера то, о чем тот думал, а Кальтер видел в испуганных глазах Харви отражение едва сдерживаемых им чувств. Это была еще не мольба о помощи, но что-то близкое. Надо отдать Скарабею должное, в своем бедственном положении он старался не уронить достоинство, и в

целом это ему удавалось. Багнер принадлежал к тем людям, которые будут юлить до конца, но до унижения вряд ли опустятся. Чего греха таить — таким был и сам Куприянов. С той лишь разницей, что при необходимости он мог притвориться и сыграть роль униженного и опустившегося человека. Затем чтобы сбить противника с толку и, ослабив его бдительность, нанести ему потом удар исподтишка. А вот у бывшей штабной крысы Багнера шпионского опыта не имелось. И потому артист из него был, честно говоря, неважнецкий.

— Я отлично понимаю, что ты имеешь в виду, — подыграл собрату по несчастью Куприянов. — Так и есть — мы экспериментировали в этой области. По кляксе я не стрелял, но другими эффектами пакалей пользовался. И да, Скарабей, — кое-какие из тех эффектов были довольно разрушительными, если ты об этом.

Кальтер поддакнул ему вовсе не из сострадания. Прикинув наскоро все за и против, Обрубок решил, что в ипостаси специалиста по кляксам и пакалям он будет для Диких Гусей намного ценнее, нежели в качестве обычного зэка. К тому же так у него появится реальный шанс подержать в руках артефакты, если искатели их все-таки обнаружат.

— Ладно, расскажешь нам об этом подробнее,

если мы и впрямь отыщем что-нибудь ценное, — подытожил Штернхейм. — А пока, калека, советую тебе держаться рядом со мной и не лезть на рожон. Не хочу, чтобы ты утонул прежде, чем докажешь нам, что от тебя есть хоть какая-то польза...

Глава 7

Чем дальше в лес, тем больше дров... Этот закон соблюдался и на «Рифте-75». Только уже в другой формулировке, где роль леса играли лабиринты нижних уровней, а вместо дров Обрубок и компания продолжали собирать на свои головы неприятности.

Кое в чем им, конечно, подфартило. Директор не заставил их блуждать впотьмах, распорядившись включить здесь освещение. И хоть после всех затоплений и осушений оно местами вышло из строя, как минимум половина ламп все-таки горела. Лишь в редких коридорах и помещениях царил по-настоящему непроглядный мрак. В связи с чем Диким Гусям были выданы заодно с сухпайками два ручных фонаря. Которые они пока что не включали, так как соваться в неосвещенные отсеки раньше времени не имело смысла. Перво-наперво надо было отыскать причину исчезновения воды, а уже потом решать, стоит ли обшаривать уровни в поисках артефактов.

После короткой, но яростной стычки с зубастой ядовитой тварью потерявший бойца отряд усилил бдительность и осторожность. Раньше зэки просто брели по воде, стараясь не наступить на скрытые под ней острые предметы и прочий опасный мусор. Теперь все искатели переставляли ноги гораздо аккуратнее. И с недовольством косились на тех, кто по неосторожности издавал слишком громкий всплеск. Скарабей трижды получал за это от Гонзо подзатыльник. Что было бы справедливо, не допускай порой сами наемники ту же ошибку. Но друг друга они не лупили, и Харви оставалось лишь молча скрипеть зубами от обиды. Особенно беря во внимание, что Обрубок тоже не получал оплеух. Впрочем, он был единственным, который их честно не заслуживал. Бывший шпион Кальтер умел перемещаться беззвучно и по суше, и в воде — в отличие от остальных, он специально тренировал когда-то это полезное в его работе умение. И при всем желании не смог бы забыть сию науку всего за какой-то год.

Уровнем ниже обстановка тоже была не подарок. Это выяснилось уже на межуровневой лестнице, где искатели столкнулись с новой тварью. Она ковыляла вверх, явно собираясь перебраться повыше, а люди спускались ей навстречу. Этот монстр не походил на предыдущего, но в целом не слишком от него отличался. Примерно так, как

отличается нильский крокодил от южноамериканского каймана: размерами — эта гадина была раза в полтора крупнее — и кое-какими деталями, но не более.

Твари принадлежали к разным видам — или даже родам, а то и семействам, — но явно к одному отряду. И общих черт у них было больше, чем отличий. Роднили их огромные выпуклые глаза-бельма, «тухло-яичный» окрас и прорва игольчатых зубов в широченных пастьях. Как наверняка и смертельно ядовитые укусы. Последнее было лишь гипотезой, но проверять ее никому из искателей не хотелось. А захотелось им при виде новой угрозы лишь одного: задать деру и не связываться с бледным дьяволом, извергнутом на «Рифт-75» из невесть какой преисподней.

Однако теперь, когда зэки находились в более выгодной позиции, вслух об отступлении никто не заикнулся. К тому же все они уверенно стояли на лестничных ступеньках, а скользкая рептилия терлась о них брюхом и двигалась вверх, прилагая к этому значительные усилия. Было очевидно, что в воде она чувствовала себя намного уверенней и свободней. Но лестницы оставались теми редкими сухими участками, миновать которые при переходе с уровня на уровень было невозможно. Это доставляло тварям неудобства, с которыми им, при захвате нового ареала для обитания, приходилось

мириться.

Подъем гадины ускорился, когда она заметила... или, правильнее сказать, учуяла приближающихся людей. Ее кривые и коротенькие, но мощные лапы заработали энергичнее, а из глотки стали вырываться клокочуще-стрекочущие звуки. Им, конечно, было далеко в плане свирепости до львиного рыка, но звучали они все равно грозно и убедительно. Правда, недолго. Выскочивший вперед Хоробадо изловчился и всадил копьё монстру прямо в раззявленную пасть. После чего налег на древко и пропихнул свое оружие дальше в глотку почти на метр. То есть настолько, насколько это ему удалось.

Клокотанье рептилии сменил душераздирающий хрип, и она яростно заметалась из стороны в сторону. Хоробадо пришлось выпустить копьё и отскочить назад, поскольку у него не доставало сил, чтобы удержать разбушевавшуюся тварь на месте. Торчащая у нее из пасти труба загрохотала по ступенькам и перилам аритмичным набатом, грозившим привлечь сюда других тварей. Но прищучивший сего дракона «георгий-победоносец» загнал в него копьё достаточно глубоко — так, что он больше не мог мотать головой. А рывки всем телом получались у него уже не такие резкие, чтобы избавиться от болезненной помехи.

В результате этих тщетных стараний монстр лишь усугубил свое положение, загнав конец трубы между железных ступенек и застряв подобно нанизанной на соломинку мухе. Чем искатели не преминули воспользоваться. И контратаковали врага уже опробованным способом — размозжили ему череп градом сокрушительных ударов.

Извлекать застрявшее в лестнице и в теле чудовища копьё было некогда. Стоило зэкам прекратить расправу, как до них донеслись плеск воды и клокотанье других тварей. Которых привлек шум борьбы и которые уже наверняка бежали сюда.

— Скорее, в мастерскую! Там есть железная дверь! — крикнул Харви, указав под лестницу.

— А может, лучше наверх? — предложил Гонзо. — Наверху было не так хреново, как здесь!

Ответом ему стал такой же шум, долетевший с того уровня, откуда зэки только что спустились. Не иначе твари, мимо которых им удалось прокрасться, были не прочь вернуться и проверить, кто это тут развоевался. Заслышав их приближение, Гонзо вмиг забыл о своем плане. И как только Штернхейм подал знак следовать за Скарабеем, без возражений поспешил к мастерской вместе с остальными.

Железная дверь, о которой упомянул Багнер, оказалась на поверку не сплошной, как двери между уровнями и ключевыми отсеками, а

решетчатой. Но тоже крепкой — это было заметно с первого взгляда. Ставить здесь решетку прежним хозяевам — ученым — было незачем, так что, скорее всего, она появилась здесь после их ухода. Судя по всему, при переоборудовании «Рифта-75» администрация тюрьмы планировала устроить в этом месте для эков рабочий цех. Но потом ей в голову пришла идея вообще заблокировать экам доступ на подводные этажи. А про уже установленную решетку просто решили забыть, не став возиться с ее демонтажем.

Засов на ней, по вполне объяснимой причине, был приделан только снаружи. Но для спасения от безмозглых рептилий это не имело принципиального значения. Главное, он блокировал дверь, а разблокировать его тварям будет явно не по зубам, в буквальном смысле слова. Искатели заскочили в мастерскую, после чего Монгол, просунув руку через решетку, сразу же задвинул засов. И вдобавок просунул в замочные петли на нем обрезок арматуры, подобранный с ближайшего верстака. Теперь эки были отделены от четвероногого противника непреодолимым для него барьером... Как им хотелось надеяться. Потому что не стоило забывать, откуда вылезли эти монстры и что помимо них клякса могла извергнуть существ гораздо умнее и опаснее. Тех же «серых», к примеру.

Мастерская была угловой комнатой на уровне, и дверь в ней наличествовала всего одна. Иллюминаторы, что имелись в других помещениях и коридорах, здесь отсутствовали. Единственным альтернативным маршрутом для бегства из мастерской мог служить вентиляционный короб под потолком. Достаточно широкий и позволяющий вползти в него через торцевое отверстие, если снять с того решетку; магистраль воздуховода начиналась как раз тут, в мастерской. Вот только как потом из него выползать, большой вопрос. Это можно было сделать лишь через такое же отверстие на другом его конце. Прочие отдушины, прорезанные в днище короба, выглядели слишком узкими даже для худосочного Багнера, не говоря об остальных зэках. А ведь с тех отдушин требовалось сначала еще убрать решетки, которые крепились болтами снаружи. И просунуть через которые руку с отверткой попросту не удалось бы.

Впрочем, никто пока не заикался об отступлении. Искатели отгородились от опасности и теперь планировали выяснить, насколько она серьезна. У них были копыя, которыми они собирались разить врага прямо через прутья решетки. В то время как враг при всем старании уже не мог до них дотянуться.

Твари не заставили себя ждать. И прибыли сюда в количестве аж девяти особей, одна другой

омерзительнее. Как было в случае с первыми двумя монстрами, эти также не походили друг на друга, но различия их оказались несущественными. Штернхейм велел всей команде замереть без движения, чтобы проверить, как эти существа ориентируются в пространстве: на слух или как-то иначе. Результат эксперимента не обнадеживал: чутье у тварей оказалось превосходным — ни одна не прошла мимо входа в мастерскую. Все они в итоге собрались у решетки и стали набрасываться на нее, кусая и царапая прутья. Под их натиском дверь загремела и заходила ходуном, но отрываться вроде бы не собиралась. По крайней мере, в ближайшее время.

— Что, мало?! Хотите еще, гады?! — воскликнул Хоробадо, который ловко прищучил тварь на лестнице и, похоже, вошел во вкус этой экстремальной охоты. — Ну, держите, раз напрашиваетесь!

И, выхватив копьё из рук Скарабея взамен утраченного своего, бросился к решетке. Монгол и Гонзо переглянулись и, выставив перед собой свои копья, рванули туда же. Штернхейм не стал их останавливать, но сам остался на месте. У двери и трем охотникам было уже тесновато, а четверем тем более.

Разумеется, Хоробадо, Монгол и Гонзо по большей части куражились. Но в их атаке имелся и

практический смысл. Пока непуганные твари сами лезли на рожон, люди могли повышибать им глаза и нанести другие серьезные раны, которые их дезориентируют и обескровят. И когда настанет время зэкам покидать убежище, их враги будут основательно потрепаны и ослаблены. А в лучшем случае они и вовсе разбегутся от агрессивных двуногих — даже маленький мозг рептилии способен уразуметь, какого противника можно кусать, а от какого лучше держаться подальше.

План был удачным, с какой стороны ни глянь. И кто бы мог подумать, что он сразу же потерпит фиаско! Осыпая чудовищ бранью, Хоробадо подскочил к решетке и с размаху ткнул копьем в первую попавшуюся гадину. Звук, что раздался при этом, был довольно странным и похожим на громкое чихание. Казалось, что из пораженной наемником твари брызнул фонтан крови. Только кровь эта была почему-то зеленой, хотя искатели уже дважды видели, какого она на самом деле цвета.

Зеленая струя угодила Хоробадо точно в лицо. Едва это стряслось, как брань охотника сменилась дикими воплями, а сам он выронил копье, затрясся и, упав на колени в воду, стал поспешно отмывать лицо от испачкавшей его дряни. Заметившие это Гонзо и Монгол остановились как вкопанные, не добежав до решетки. Что их и спасло, когда из-за

двери послышалось еще два громких чиха и в мастерскую одна за другой влетели уже две зеленых струи. Первая пронеслась в полуметре от головы Монгола и угодила в стену. Вторая была пущена точнее и задела Гонзо левое предплечье, отчего рукав его робы тут же окрасился в изумрудный цвет.

— Отставить! А ну бегом оттуда, идиоты! — рявкнул Отто. Впрочем, угодившие под обстрел охотники и без его подсказки уже удирали обратно. Все, кроме Хоробато. Его попытка отмыться от зеленого плевка не увенчалась успехом. Подобно отравленному Шимону, он также затрясся в конвульсиях и, задыхаясь от зверского кашля, тоже начал плевать кровью. Кровь залила глаза Хоробато и сочилась у него через кожные поры. За считанные секунды у несчастного проявились все уже известные искателям симптомы токсического отравления. И потому никто даже не дернулся, чтобы прийти ему на подмогу.

Дергался сейчас один лишь Гонзо, которому яд угодил на одежду. Отступив вместе со всеми к дальней стене, он суетливо стягивал с себя куртку, стараясь не прикасаться к заляпавшей ее дряни. При этом он бранился все громче и громче — отравка быстро пропитала ткань робы и, войдя в контакт с кожей, вызывала у Гонзо болезненные ощущения.

Когда он сбросил-таки куртку, на его предплечье обнаружилось покрытое сукровицей, зловещее бледно-серое пятнышко. Плохо, очень плохо! Но если с Хоробадо все было кончено, у Гонзо еще оставался шанс выжить. Яд чудовищ был сильным, но убивал быстро лишь при непосредственном попадании в кровь или при поражении большого участка кожи. Действуй он иначе, Гонзо уже бился бы в конвульсиях, но с ним пока все было в порядке. Конечно, если оставить все как есть, Гонзо тоже наверняка умрет. Но не так быстро, и за это время его можно попытаться спасти.

— Дайте нож! — потребовал Кальтер. — Скорее!

Он не знал, есть ли у Диких Гусей при себе заточки или ножи. Просто сказал наугад, полагая, что у членов банды всегда найдется в заначке нечто подобное. И не ошибся. Штернхейм потрянул левой кистью, и из рукава у него выскочил небольшой ампутационный нож, судя по всему, украденный из хирургического отделения лазарета.

То что надо! Взяв у Отто инструмент, Обрубок посмотрел на взмокшего от волнения Гонзо и спросил:

— Хочу пустить тебе кровь, чтобы вывести яд! Ты готов?

— Режь, ублюдок! — велел «гусь», не

колебавшись ни мгновения.

Получив добро, Куприянов нанес крест-накрест два пореза поверх ядовитого ожога. И Гонзо, который мог сам дотянуться ртом себе до предплечья, взялся усердно отсасывать из ранки кровь, сплевывая ее под ноги. После чего всякий раз наскоро полоскал рот водой из фляжки, которую держал в здоровой руке. И он, и остальные понимали, что настал момент истины. Если Гонзо в ближайшие минуты не забьется в судорогах и не захлебнется кашлем, значит, опасность для него наверняка миновала. Но если предпринятые меры запоздали или были неэффективны, значит, вскоре он присоединится к Хоробадо.

А тот уже прекратил агонизировать и застыл на полу в скрюченной позе с изъеденным ядом лицом. Вода вокруг мертвеца окрашивалась кровью, что вытекала у него изо рта. Смотреть на него без содрогания было невозможно, и его жалкий вид уж точно не мог подбодрить Гонзо, который отчаянно боролся сейчас за свою жизнь.

Проклятые твари выстрелили ядом через решетку еще несколько раз, но доплюнули лишь до середины мастерской. Сомнительно, что они были в силах поднатужиться и плюнуть дальше, так что теперь искатели знали оставленное им врагом поле для маневров. И больше не совались в ту часть помещения, где они становились для плевунов

легкими мишенями.

Чудом избежавший этой участи Монгол взялся соорудить для товарища повязку из своей майки, поскольку сам Гонзо все же начал чувствовать дурноту. Видимо, это были остаточные явления, выраженные лишь в ознобе и повышенной температуре. Самые опасные симптомы — дикий кашель, судороги и кровавый пот — у больного отсутствовали, и это обнадеживало. Он обильно потел и непрерывно трясся, однако при этом оставался в сознании и мог самостоятельно передвигаться. Только боец из него был уже никакой, и копьё он мог использовать разве что в качестве костыля. Но так или иначе, а желать Гонзо смерти у Обрубка не было причины. Хотя бы потому, что это огорчило бы Штернхейма, а в расстроенных чувствах бандитские главари становятся крайне нервными и плохо предсказуемыми.

Пока Монгол перевязывал Гонзо руку, Кальтер, Харви и Отто осмотрелись. В мастерской обнаружили небольшой сверлильный станок, сварочный аппарат, наждак, труборез, тиски, электрический горн и кое-какой ручной инструмент. Есть из чего выбирать. Вот только одна проблема: включать электротехнику, которая совсем недавно находилась под водой, и когда ты сам стоишь по колено в воде, — дело крайне